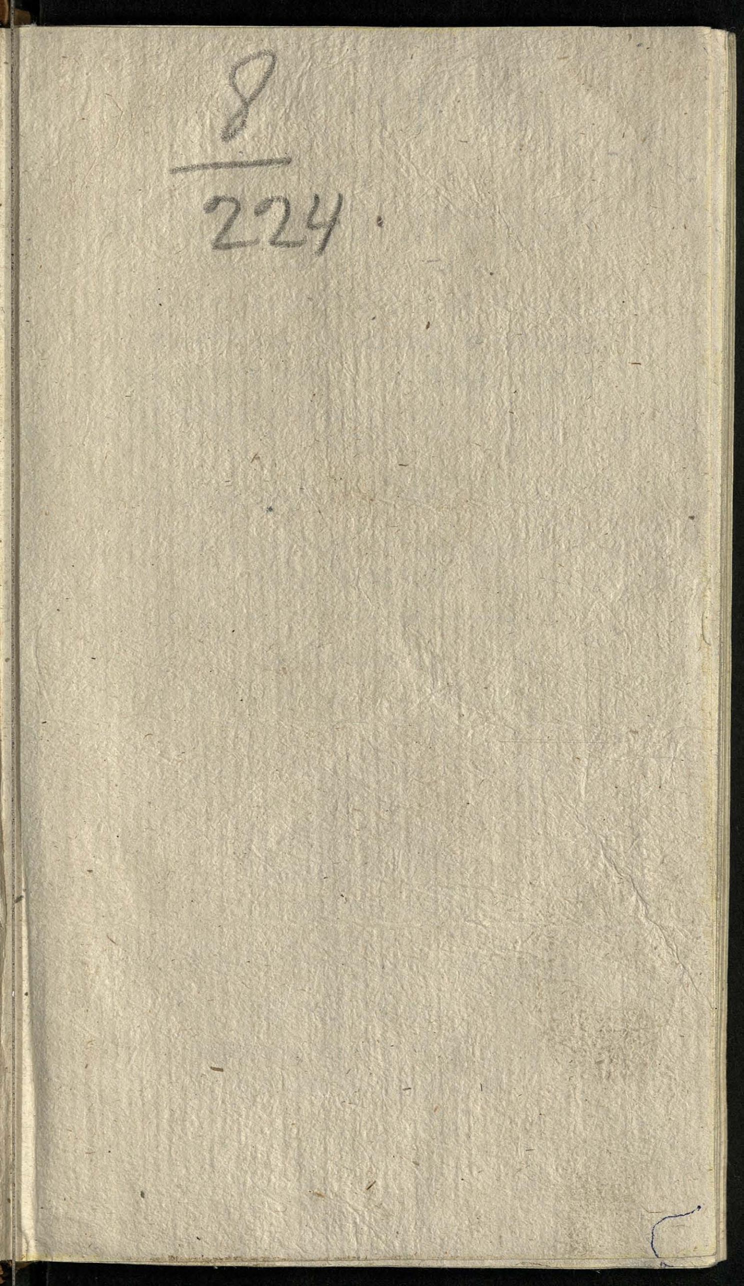

3-й экз

Тихонъ 494

ГАРРИКЪ.
или
АГЛИНСКІЙ АКТЕРЪ.

Сочиненіе, содержащее въ себѣ примѣчанія на Драммы, искуство представленія, и игру Театральныхъ лицъ.

СЪ

ИСТОРИЧЕСКО-КРИТИЧЕСКИМИ ЗАМѢЧАНІЯМИ И АНЕКДОТАМИ НА ЛОНДОНСКІЕ И ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

переведено

съ Нѣмецкаго языка.

ВЪ МОСКВѢ.

въ Университетской Типографіи у Н. Новикова, 1781 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Гаррикъ или Аглинскій Актеръ, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ и Красноречія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ.*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ЕГО ВЫСОКОРОДІЮ

АЛЕКСАНДРУ ДЕНИСОВИЧУ

ЧИЧЕРИНУ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО

ВЕЛИЧЕСТВА

Отъ арміи Бригадиру, и Бѣлевскаго благороднаго общества

ПРЕДВОДИТЕЛЮ,

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ МОЕМУ,

Покорнѣйшее приношеніе.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ МОЙ!

Посвящая вамъ сей трудъ мой, нахожу я троякое удовлетворенie моихъ желанiй: во первыхъ что преложенie сей книжки на нашъ языкъ, составляетъ исполненное ваше ко мнѣ повеленie; во вторыхъ что оная можетъ быть полезна для нашихъ Театровъ, оныхъ судителей и тѣхъ писателей драммъ, кои не могутъ употреблять къ своимъ сочиненiямъ правилъ описанныхъ на иностранныхъ языкахъ, и на конецъ кое для меня всего лестнѣе — что

я

я всенародно могу сказать, съ каковымъ удовольствіемъ имѣняю я себѣ въ честь быть съ должнѣйшею преданностію,

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ МОЙ!

Вашимъ

Покорнѣйшимъ слугою.

Василей Левшинъ.

СОДЕРЖАНІЕ
СЕГО СОЧИНЕНІЯ.

Страниц.

О Выгодахъ природнаго дарованія.	11
О Нужности правилъ искуства.	21
О Разумѣ. - - - -	31
О Выраженіи. - - - -	46
О Чувствительности. - - -	74
О Всеобщей чувствительности. -	84
О Перемѣнѣ. - - - -	93
О Средствахъ природную чувствительность учинить совершеннѣе.	105
О Занятой чувствительности. -	117
О Огнѣ страстей. - - -	129
О Фигурѣ. - - - - -	141
О Вторыхъ Роляхъ. - -	149
О Возрастѣ, въ коемъ должно оставлять театръ. - -	153
О Необходимой Комическимъ Актерамъ живости. - -	159
О Благородствѣ души, нужной Трагическому Актеру. - -	166
О Нѣжности. - - - -	174
О Наклонности къ любви. -	180
О Голосѣ. - - - - -	187

О Тѣхъ

О Тѣхъ родахъ лицъ, кои способны для нѣкоторыхъ Характеровъ. - - - - 192
О Служителяхъ. - - - 199
О Истиннѣ представленія. - - 203
О Истиннѣ дѣйствія. - - 206
О Естественной игрѣ. - - 219
О Естественности въ рѣчахъ. - 222
О Емѳатической навычкѣ въ разговорахъ. - - - - 227
О Памяти и Костюмѣ. - - 232
О Ухваткахъ и приличностяхъ. 237
О Шуткѣ Театральной, или такъ называемой Jeu de theatre. - 245

ГАРРИКЪ,
или
АГЛИНСКІЙ АКТЕРЪ.

Вступленіе.

Намѣреніе опыта сего есть то, чтобъ молодымъ Актерамъ подать наставленіе въ искуствѣ представленія на театрахъ, ибо мы подвергаемъ оныхъ воспріятымъ правиламъ, и тѣмъ удерживаемъ изступленія силы вообразительной, не погашая однакожъ сего щасливаго одушевленія, выражающаго отличность дарованія. Театральная игра между всѣми искуствами подражанія есть та, которая всего меньше можетъ обойтиться безъ счасливаго дарованія природы: и только чрезъ

А мно-

многую навычку достигаетъ она совершенства, а особливо во времена, когда большая часть публики достигла того, что можетъ заключать о Актерѣ столькожъ по основанію, какъ и по чувствованіямъ, безъ сумнѣнія есть Артисты способныя къ наставленіямъ, и судители не требующія онаго. Театральное искуство *въ пространномъ* смыслѣ, заслуживаетъ совершеннѣйшаго выполненія. Только прилѣжность сочинителя, выраженіе представляющаго Актера, и дарованіе обоихъ достигаютъ всеобщей похвалы у разумныхъ и просвѣщенныхъ народовъ.

Актеръ бываетъ въ своемъ искуствѣ тѣмъ счастливѣе, чемъ больше просвѣщенные зрители въ состояніи опредѣлять о его дарованіяхъ. Можетъ быть добрый вкусъ публики обязанъ собою къ благодарности великимъ

талан-

талантамъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ Актеровъ; и понеже оныя недолѣе могутъ служить очевиднымъ примѣромъ, какъ и ихъ предшественники, то заблаговремянно еще пока они сіяютъ въ своемъ дѣйствіи, должно наставлять, имѣющихъ заступить мѣста ихъ. Ибо та часть театра, которая меньшее число *Характеровъ* содержитъ, имѣетъ оныхъ въ излишествѣ, нежели сколько есть у насъ изящнѣйшихъ Актеровъ, для представленія оныхъ (*). И такъ кажется не безъ полезно будетъ, предположить существенныя правила сему безконечно пріятному искуству, тому искуству, которое не иное

(*) Въ Лондонѣ въ Вестминстерской четверти есть Банды въ Друрилaнѣ и Ковентгарденѣ. О Актерахъ обоихъ сихъ театровъ будетъ говорено въ семъ сочиненіи.

что есть, какъ къ основанію приведенная природа, коей должно слѣдовать, чтобъ возвыситься въ искуствѣ собственно въ себѣ ничего значущемъ (*), но которое учиняется почтеннымъ, если къ отличнымъ дарованіямъ добродѣтели въ честномъ человѣкѣ, присоединить свойства добраго гражданина (**). *Актеръ разумѣющій* прави-

(*) Добродѣтельная Актриса дѣлаетъ полу своему столькожъ чести, какъ и своему состоянію, и можетъ на все имѣть требованіе.

(**) Одна изъ разумныхъ головъ развратила склонность къ удовольствіямъ, въ письмѣ своемъ противу театровъ, въ которомъ, какъ и во всѣхъ его сочиненіяхъ видимо, что въ самомъ дѣлѣ онъ ничего неразвратилъ, кромѣ самаго себя. „Нападать на нравы Актеровъ, говоритъ господинъ Дидеро, разумѣется дѣлать що на каждое лице въ обще-

правила своего художества, познаетъ; въ томъ какъ учиняется совершеннѣйшимъ, сколько онъ возвысился; онъ видитъ, онъ чувствуетъ, по чему онъ причиною, что зрители стремятся, вообще съ нимъ научаться ободрять его похвалами, и заставлять его бояться, чтобъ благоразумнымъ ихъ заключеніемъ, не навлекъ онъ себѣ раскаянія за непрелѣжность.

Естьли истинно то, что противу одного изъ худыхъ писателей находится десять, кои хуже опредѣляютъ, нежели сей пишетъ: такъ равномѣрно состоитъ сіе между Актерами и публикою: каждый хочетъ дѣлать заключенія, и во множественномъ числѣ есть нѣкото-

 рые,

обществѣ: но возставать противу театровъ, значитъ равное, какъ нападать и на все роды всенароднаго наставленія.

рые, коимЪ слѣдуетЪ обманываться, когда отдаютЪ похвалы дарованiямЪ посредственныхЪ АктеровЪ (*). Много находится людей, кои не меньше находятЪ себя вЪ готовности отнимать свой голосЪ у тѣхЪ, которые оный заслуживаютЪ. Они обыкновенно рѣшатЪ слѣдуя нѣкоторымЪ ложнымЪ знатокамЪ, и всегда сЪ великимЪ своенравiемЪ. Личное негодаванiе, неосновательный предразсудокЪ, почасту повергаютЪ вЪ забвенiе такихЪ АктеровЪ, кои современемЪ моглибЪ имѣть право кЪ щастiю. Когда не замѣтятЪ первыхЪ искрЪ дарованiя;

(*) СЪ тѣхЪ порЪ какЪ узнали флейщика Воканзонова, кажется меньшiй талантЪ, сыграть хорошо комедiю, не заслуживаетЪ труда чтобЪ онымЪ хвалиться. ВЪ художествахЪ служащихЪ кЪ забавѣ, слова посредственно и худо, суть равномѣрны.

нія; то лишаютъ молодыхъ учениковъ нужнаго во всѣхъ наукахъ ободренія. Другія жъ напротивъ, кои безъ основанія или по счастливому случаю поощрены, часто играютъ первыя роли, не бывъ никогда способны, и къ послѣднѣйшимъ.

Чрезъ сіи препятствія, кои со всякимъ своенравію публики подверженнымъ обществомъ (*) *кажутся быть соединены*, бывъ стеснены и устрашены, нѣкоторые изъ имѣющихъ дарованія тщетно употребляли стараніе, или вовсе не отважились,

 дать

(*) Когда въ Лондонѣ играютъ въ первый разъ Піесу, Орхестръ долженствуетъ повторять новыя уличныя пѣсни. Тогда правая партера требуетъ одного; а левая другаго, и обѣ между собсю спорятъ: для избѣжанія неудобствъ слѣдуетъ повиноваться; ибо Аглинская вольность не шутитъ и въ своихъ забавахъ.

дать симъ развернуться. Но когда проницаніе распространится, когда вкусъ отчасу большему числу людей сообщается, и оныхъ пріобрѣтаетъ; когда всѣ слушатели столькожъ будутъ снисходительны, сколько строги, тогда Актеръ исполненный почтенія и ревности, не жалуется на приговоры особъ себѣ равныхъ, онъ *подвергается* онымъ, бывъ доказанъ, что и самъ онъ почерпаетъ свои основанія изъ тѣхъ же правилъ, кои учиняютъ истинными знатоками, и кои наставляютъ его, какимъ образомъ можетъ онъ приобрести одобреніе.

Справедливо, что отъ знатнѣйшихъ Актеровъ должно ожидать всѣхъ тѣхъ блистающихъ свойствъ, кои обыкновенно учиняютъ отличными людей ихъ состоянія, какъ то голоса, пріятности, фигуры, и прочаго. Актеры вторыхъ роль могутъ мень-

меньше противЪ сихЪ имѣть дарованія. Для первыхЪ нѣсколькія щастливыя дарованія, недостаточны, чтобЪ оковать наши воображенія, овладѣть нашею душею, оную по желанію тронуть, возбудить, восхитить радостію, или опечалить, и чувствительнѣйше пронзить; едвали есть вЪ театрѣ мѣсто или ХарактерЪ, кои бы можно оставлять вЪ пренебреженіи; ибо всѣ оныя проходятЪ различными путями кЪ сердцу, и только единое есть сердце то, что долженствуетЪ тѣмЪ трогать. Слѣдственно природа должна во всѣмЪ быть благосклонна кЪ Актеру первой степени; для вторыхЪ же Роль довольно и искуства; можно во оныхЪ отличиться, подкрѣпляемому разумомЪ, и многими поправленіями вЪ фигурѣ; сіе есть ототличное для меньшихЪ Роль, и посредственныхЪ АктеровЪ.

Но когда молодость, фигура, и для первыхъ Роль необходимыя пріятности случатся и вовторыхъ, то не меньше заслуживаютъ оныя, чтобъ ихъ не утратить, и стараться употребить въ пользу.

Выгоды

Выгоды природнаго дарованія.

Свѣдущія люди обнадеживаютъ, что всѣ возможныя средства только малые прилагаютъ, чтобъ учинить великаго Актера; оный долженъ, по ихъ мнѣнію быть тѣмъ, чемъ онъ есть отъ природы. Между тѣмъ извѣстно по опытамъ, что только чрезъ правила, или чрезъ подражаніе бываютъ на театрѣ счасливы; легко заключить, котораго изъ сихъ обоихъ средствъ должно держаться, чтобъ возвыситься въ своихъ дарованіяхъ. Намъ извѣстны люди, кои еще при жизни искусныхъ Актеровъ сочтены за ихъ подражателей. Славный Гаррикъ, сей всеобщій Артистъ (*), кажется со всемъ удаленнымъ отъ всѣхъ путей, коими слѣдовали

(*) Артистъ, значитъ совершеннаго въ художествѣ.

вали его предшественники; но ни однажды еще не спорили, чтоб тѣ имѣли предъ нимъ преимущество. Онъ чрезъ науку учинилъ искуство свое совершеннымъ; а тѣ чрезъ подражаніе Артистамъ. Если предпоставить; что должно быть рожденну для театра, то господина Гаррика приводятъ въ доводъ сей истинны; но тѣ, кои воображаютъ, что онъ свои природныя дарованіи чрезъ неутомимыя труды выправилъ, имѣютъ очень не совѣршенное понятіе о источникѣ сего высочайшаго дара, который въ семъ любви достойномъ Актерѣ приводитъ до изумленія.

Нѣтъ нужды, чтобъ кричать только безпрестанно. Одного духа довольно для театра; искуства представлять достигаютъ не чрезъ науку; Театръ есть картина свѣта; на ономъ должно слѣдовать лишъ единой природѣ:

дѣ: а подвергаться правиламъ, значитъ, лишить себя всего своего огня. Сіи суть всеобщія основанія, которыя ничего недоказываютъ, лучшебъ утвердить, что истинное дарованіе есть скрывать искуство, которое природу подкрѣпляетъ, и что многое искуство есть въ вещахъ, гдѣ самого искуства примѣтить не возможно. Сіе то есть, гдѣ два крайнѣйшія пункта другъ друга касаются. До высоты доведенное искуство обращается въ природу, а пренебреженная природа почасту уподобляется только принужденному веществу. Оное безъ сумнѣнія ни въ какомъ родѣ столь нетрогательно, ни столь прекрасно какъ на театрѣ, великія актеры ни когда сего не упускаютъ: они воздвигаютъ на семъ основаніи зданіе, которое такъ сказать, естественнѣе самой природы: все кажется тамъ иску-

искусно, нужно, правильно; одним словомъ: на театрѣ бываетъ, когда захочешь, одна природа только возвышенная, но очень недостаточествующая заслуга, украшенная помощїю искуства, учиняется чудомъ. Въ нашихъ ристанїяхъ о закладѣ въ Невмаркетѣ бодрѣйшей но неученый бѣгунъ стремится за предѣлы, но между тѣмъ лучше приѣзженый, выигрываетъ закладъ. Равное обстоятельство съ Актеромъ, предавшимся своенравїю своей вообразительной силы; мы можемъ пленитъся его нѣкоторыми нечаянно случившимися начертанїями, но огнь оныхъ вдругъ угасаетъ, и душа наша охладѣетъ. И такъ только благоразсуднымъ основанїямъ подверженный духъ умѣряетъ необузданную жестокость, попускающую страсти въ дерзость, и даетъ Актеру чувствоватъ, что красота природы

роды въ его Сферѣ можетъ преходить предѣлы и заблуждаться: тогда если пожелаетъ онъ показать себя нѣжнымъ, то будетъ слабъ; если разгоряченнымъ, то поизлишествуетъ, и нѣтъ ничего смѣшнѣе, какъ ярость не въ надлежащее время. Самая великолѣпная осанка въ важномъ лицѣ и сила безъ выраженія, не могутъ удержаться, когда чувствованіе слабо и выговоръ низокъ. Мы неожидаемъ, чтобъ Актеръ своими собственными мыслями приводилъ насъ во изумленіе; но по всегда желаемъ, чтобъ вся мысль сочинителева вѣрно была выражена (*).

Актеръ

(*) Смыслъ нѣкоторыхъ драматическихъ писателей можетъ повреждать Актеровъ и драму. И такъ можетъ былъ бы ложный и неистовый вкусъ Актеровъ современниковъ Моліера и Расина,

Актеръ равно какъ и сочинитель можетъ впасть въ опухоль; его предопредѣляющая сила, если недовольно просвѣщена, часто подвергаетъ его опасностямъ заблужденія. Между всѣми погрѣшностьми принужденное подражаніе есть та, въ которую прежде всего впасть можно, недолжно лѣнится искать беречь себя отъ оной, а всего больше не ввѣряться слѣпому побужденію природы, ибо если сію полу-

Расина, еслибъ оные въ свои роли ввели больше тонкости, нежели сколько на то употребили сіи великія мужи; ихъ расположенія поражаютъ безъ излишества, ибо когда Характеры учинены очень живо, то прилагаемыя Актерами ко онымъ тонкости, могутъ быть неестественны. Актеру надлежитъ лишъ о томъ мыслить, чтобъ явственно выразить поставленное остроумнымъ сочнителемъ въ роль его.

получитЪ свободу, то робкаго Актера оставляетЪ, а великаго приводитЪ на край паденія. Посредственный почти ни когда недостигаетЪ заслуги своей Роли, а изящнѣйшій АктерЪ иногда доходитЪ великаго излишества вЪ своей (*) хладное единообразіе изображаетЪ глупаго Актера (**) а свободная не равность

(*) Дѣвица Дю - - - которая имѣетЪ столькожЪ дарованія для высокаго Комическаго рода, какЪ и для Трагическаго, кажется вЪ родительницѣ Родопиной нѣсколько возвышающеюся, ея великая чувствительность есть сильнѣе и прекраснѣе, нежели то, что она говоритЪ. Дѣвица ДеламоттЪ кажется очень хорошо играетЪ лице сіе.

(**) Славная Силвія, сія неподражаемая Актриса, употребляетЪ только одну ухватку, для игранія тритцати различныхЪ роль, но она очаровываетЪ

и различіе имѣющаго дарованія. Счастіе для перваго что великая толпа зрителей не всегда различаетъ единообразную глупость отъ излишней остроты большее число бываетъ чувствительнѣе къ чрезвычайному, нежели къ благопристойному; но хорошіе судители столькожъ оскорбляются за погрѣшности одного, какъ и за излишества другаго.

Ничто такъ благородно не изображаетъ разительнаго въ великихъ мысляхъ, какъ ярость остроумнаго Актера, который въ надлежащее время умѣетъ голосъ свой возвысить, лице свое воспламенить, и все свое дѣйствіе вывесть. Когда Шакеспиръ въ Венеціанскомъ Арапѣ, который только умертвилъ мни-

---

отъ насъ по всегда новымъ удовольствіемъ.

мнимаго искусителя жены своей, заставляетъ его говорить:

„ Еслибъ онъ имѣлъ и ты-
„ сячу біющихся сердецъ , то
„ мое не умолимое мщеніе все
„ оныя разстерзало бы;

Тогда видимъ мы Г. Барри, сквозь черный флюръ, коимъ лице его укрыто, краснѣющагося; глаза его оживляются удовольствованною яростію, онъ кажется при всякомъ произносимомъ имъ словѣ отъ земли при подымающимся; всѣ движенія его истинны, и въ существенности лица страсть сего требуетъ. Мы чувствуемъ съ нимъ всѣ мученія ревнивой любви; сколь бы ни страшно было выраженіе, но сила мыслей наполняетъ насъ равными чувствованіями, и льститъ нашей гордости, жаръ рѣчи, великолѣпность дѣянія, истинна Характера, самая выдумка вещи, учиняетъ, что мы забываемъ о вы-

выдумкѣ, и не видимъ кромѣ оскорбленнаго, свирѣпствующаго супруга, мы огорчаемся съ Актеромъ, мы раздѣляемъ гнѣвъ Ироя, его стыдъ, его отчаяніе, и вообще съ тѣмъ умодвиженія сочинителя.

О нужности правилъ искуства.

Почему могутъ насъ движенія, при коихъ вся волшебная сила голоса, взглядовъ и ухватокъ употребляется, въ одномъ Актерѣ восхищать, и для чего не можетъ тожъ и съ равнымъ стараніемъ производимое другимъ, насъ тронуть? Сіе отъ того что учиненное въ не надлежащемъ мѣстѣ выраженіе учиняется глупымъ, нискимъ и непріятнымъ. Стремительность сообщающаяся съ страстями, овладѣваетъ нашимъ духомъ, наполняетъ сцену ужасомъ, замѣшательствомъ, положеніями и театръ обращаетъ въ картину; великія дѣянія суть только отголоски того. Но когда Актеръ, который еще ученикъ въ своей наукѣ, короткое чувствованіе выражаетъ съ усильностію, кою должно бы употребить съ разсужденіемъ, тогда усильность

погашаетъ чувствованіе, какъ бы высоко оное ни было и учиняетъ все хладнымъ: ибо есть очень высокія чувствованія, оказывающіяся во время когда душа спокойна (*). Мы не признаемъ страсть которой мысль и обстоятельство противятся; мы презираемъ Актера, который сотворенъ, чтобъ подавать намъ удовольствіе хитростнымъ образомъ,

(*) Когда Вобури представлялъ Нерона сказалъ онъ къ Бурресу, говоря о Агриппинѣ reponder m'en, vousdis-je, ou, Sur votre refus D'autres ni repondront & d'elle & de Burrhus: съ пронзительнымъ крикомъ, и со всѣмъ жаромъ ярости. Сіе необыкновенное выраженіе содержало въ себѣ столько правдоподобія, что всѣ зрители пришли въ страхъ. Уже не Бобури былъ то, но самъ Неронъ. — Доводъ. что на театрѣ вообще, видъ и голосъ, могутъ трогать, хотя и съ лишкомъ увеличатся, лишь бы только были оныя натуральны.

разомъ, ибо онъ неможетъ представлять кромѣ ложныхъ чувствованіи. Должно согласиться, что для театра не обходимы, природа со всѣми ея благосклонными вліяніями, примѣры и навычка.

Голосомъ, фигурою и душею можно изображать нѣкоторыя страсти, но если не достаетъ разсмотрѣнія, то изображеніе будетъ всегда слабо; понеже сердце имѣетъ свою предопредѣляющую силу, которую удовольствовать труднѣе нежели думаютъ. Изумить, тронуть, угодить, суть всѣ тѣ ступени, по коимъ Актеръ проходить долженъ, если сихъ ему не достаетъ, то всѣ благосклонности природы для него потеряны. Въ самомъ дѣлѣ, предопредѣлительная сила, выраженіе, самыя взгляды могутъ только до нѣкотораго пункта быть естественными дарованіями;

ми; и лишь отъ правилъ зависитъ учинить оныя совершенными и полезными. Театральное искуство есть наука, по чему должно оной и учиться. Мы видаемъ Философа Тамерлана съ гордостію выступающаго, ломающасо руки подобно безумному Оресту и умѣренныя чувствованія со всею яростію и жестокостію тирана выражающаго. Кто имѣетъ больше искуства различать, нежели уха, тотъ никогда не ударитъ ладоньми въ похвалу человѣку только шумъ дѣлающему.

Собственность Драматическаго сочиненія состоитъ не въ единомъ описаніи приключеній и Характеровъ. Исправнѣйшій и явственнѣйшій слогъ не содержитъ особыхъ знаковъ мыслей во всей своей связи, не видно въ немъ довольнаго опредѣленія, въ которомъ мѣстѣ должно быть умѣренности или усильности

ности въ произношеніи. Но форма драмы, случай, нравы, родъ разговора и цѣлое выраженіе показываютъ великому Артисту тончайшія различности (*). И такъ Актеру долженствуетъ съ крайнимъ прилѣжаніемъ овладѣть мыслью сочинителя, что бы начертать лице въ томъ положеніи, въ каковомъ онъ его имѣть желаетъ. Еслижъ лице

 оное

(*) Истинная и приученная различительная сила замѣчаетъ ему мѣсто и мгновеніе, въ которыхъ онъ съ выборомъ всѣ разныя пружины души употреблять долженъ. Онъ расточаетъ нѣжность, гдѣ слѣдуетъ ему быть кротку; а восторги, гдѣ онъ въ сражающемся огнѣ пылать долженъ. Въ семъ посредственный Актеръ легко погрѣшить можетъ; ибо, служащее къ предопредѣленію сихъ страстей, называется духъ, въ великомъ Актерѣ, и опредѣлительная сила въ искусномъ комедіантѣ.

оное находится вЪ ложномЪ видѣ, то Актеру надлежитЪ только о томЪ помышлять, чтобЪ учинить оный истиннымЪ.

БываютЪ мгновенія, вЪ кои скромность кажется только благопристойностію и почти своеволіемЪ (**); вЪ другихЪ же мгновеніяхЪ, есть оная великою красотою, и единственнымЪ что вЪ Ролю допустить можно. Живость, твердость, или то, что называютЪ страстью, имѣютЪ вЪ себѣ вообще нѣкоторыя ощущаемыя черты; все во оныхЪ изьясняемо, легко, и само собою выражается, и при семЪ посредственный АктерЪ выигрываетЪ. Но сколь много есть тонкости и пріятности

(**) На примѣрЪ: довѣренность или ласка отЪ женщины кЪ мущинѣ предпоставляетЪ великую невинность; на противЪ вЪ превратномЪ толкѣ великое поврежденіе нрава.

сти въ величествѣ кроткаго дѣйствія! тогда избраннѣйшею различительною силою одаренный Актеръ, открываетъ на мгновеніи ока молчаніе души, посреди всѣхъ нещастій, кои кажутся въ движеніе привести его долженствующими; наконецъ жестокость со всемъ ея шумомъ ближе заслуживаетъ смѣхъ, нежели достоинство. Шакеспиръ представляетъ *Короля Рихарда*, на крайнемъ шагѣ къ лишенію жизни или короны. Оный на канунѣ рѣшительной битвы вкушаетъ прохладу вечерняго воздуха, увеселяется окружающими пріятными предметами, и говоритъ:

„Воздухъ прохладителенъ,
„недавно скошенныя луга распро-
„страняютъ запахъ, который
„меня обворожаетъ.„

Такъ мудрый сочинитель изобразилъ покой великой души въ опасныя минуты подвига.

Одинъ

Одинъ нашъ (Аглинской) Офицеръ шествуя въ опаснѣйшую атаку, когда увидѣлъ летящаго чрезъ себя дикаго гуся, сказалъ съ великимъ хладокровіемъ: то то бы доброе жаркое. Одинакое обстоятельство показывающее совершенное спокойство души во время ужаса. Разумный Актеръ произнесетъ таковыя слова почти съ нѣкоторою безпѣчностію, равнодушнымъ видомъ, и кроткимъ голосомъ; и чемъ больше сіе произношеніе будетъ безъ прикрасъ выговора, тѣмъ оно прелестнѣе. Между тѣмъ одинъ изъ довольно славныхъ Актеровъ говорилъ сіи слова съ нѣкоею пышностію, но зрители неоказали за то неудовольствія. Похлѣбствующее молчаніе, и скоропоспѣшное одобрѣніе публики приключаютъ во всѣхъ родахъ дарованіевъ быстрый упадокъ.

Почти ежедневно видимъ мы таковыя излишества, толь тру-

трудно Актеру удержать себя въ предѣлахъ; и при семъ должно опять чувствовать, сколь много нужно имѣть опредѣлительной силы на театрѣ. Понеже словомъ сказать, прекраснѣйшій голосъ, рѣдчайшія пріятности недостаточны, и лучшее искуство состоитъ меньше въ томъ чтобъ оныя чаще употреблять, нежели какъ иногда забывать объ нихъ. Глупое увеселеніе, оказывать всѣ свои органы, и трудность оными управлять, причиняютъ молодымъ начинателямъ больше паденія, нежели сколько есть изъ нихъ снабженныхъ природными дарованіями. Каждый изъ нихъ имѣетъ свои собственныя, должно лишъ оныя узнать; сіе надлежитъ до опредѣлительной силы какъ оныя употреблять, и сіе есть самое то въ чемъ есть недостатокъ. Тотъ Актеръ (хотя бы онъ создань былъ руками самой любви,

ви, которой чаетъ быть себя довольно прелестна безъ правилъ и основанія, и что для него довольно слѣдовать невольнически лучшимъ подлинникамъ, долженъ ожидать паденія Икарова; а другой на противъ, коему Граціи меньше льстятъ, но который старается научиться, вскорѣ уравняется съ своими учителями, и наполнитъ театръ рукоплесканіями.

О разу-

О разумѣ.

Между всѣми природными свойствами Актера, безпрекословія счасливое дарованіе разума есть нужнѣйшее; чрезъ одно сіе можетъ онъ всему прочему учинить благоразсудное употребленіе. Безъ сего, начавъ на примѣръ съ прекраснѣйшаго голоса, можетъ его звонъ присильныхъ умодвиженіяхъ *быть ложенъ*, а при слабыхъ смѣшонъ. Онъ долженъ, прежде нежели заговоритъ, совершенно разумѣть то, что произнесть хочетъ, дабы съ благопристойностію оное выразить.

Между Драматическими сочинителями находятся нѣкоторые, кои либо древнему слогу слѣдуютъ, или свои странныя Ідеи для Актеровъ посредственнаго разума дѣлаютъ неразумительными (*). Ааронъ Хилъ стихо-

(*) La ſurpriſe de l'amour Господина Мариво по изданіи., представляли только

стихотворецъ извѣстныхъ заслугъ, старается быть подобенъ классическому писателю, и сей родъ темноты который происходитъ единственно отъ слога, есть ему свойствененъ. Іонсонъ размышляетъ иногда толь глубокомысленно, что для уразумѣнія его потребна его задумчи-

ко пять разъ. Герцогъ де В. и нѣкоторыя госпожи сыграли оную въ деревнѣ, и оная найдена удивленія достойною; Акшеры взяли оную опять, и представляли 30 разъ съ великимъ счастіемъ. Господинъ Мариво есть вѣрный живописецъ страстей. Слогъ его, повсегда истинный и естественный, происходитъ отъ той сочинительской подражательной силы, коя все то проницаетъ, что сердце отъ себя самаго и отъ прочихъ скрываетъ. Онъ постигаетъ во внутри человѣческаго сердца рѣдчайшихъ затворовъ, что необходимо производитъ слогъ, столь же рѣдкой, какъ и новость вещи.

чивость. Милтонъ, ибо представляютъ и его нѣкоторыя піесы, не свѣдущему читателю не вразумительнѣе. Шакеспиръ, сей идолъ театра, наполненъ смѣлыми фигурами, старинными выраженіями, изобильными сраженіями, онъ находится у каждаго въ рукахъ, но чрезъ то нелучше его разумѣютъ. Когда посредственнаго разума человѣкъ начнетъ декламировать нѣкоторыя трудныя стихи изъ сихъ великихъ сочинителей; то при произношеніи имъ словъ примѣчается, что недостаетъ мыслей, нѣтъ вкуса ни выраженія, и мало истинны; равномѣрное должно случиться съ Актеромъ безъ опредѣлительной силы. Можетъ быть скажутъ, что вѣрное подражаніе заменитъ мѣсто распространеннаго разума, что довольно Актера такъ примѣчать, чтобъ самому онымъ учиниться, и что,

сказать кратко, глаза и уши въ таковомъ случаѣ заступаютъ у слуги разума. Подражающіе рукомесленникамъ Актеры, принявъ сію Систему, учинили чрезъ то науку свою общею, и возвышенное искуство, возводящее на крылахъ разума Росціуза и Гаррика къ безсмертію на ряду съ Моліеромъ и Шакеспиромъ, постановили въ обстоятельство Механическое (*).

Когда сіе столь же презрительное какъ и несовершенное подражаніе должно намъ служить правиломъ и предписаніемъ, чтожъ будетъ изъ новыхъ комедіи? гдѣ найдутъ примѣръ подражанія, чтобы оныя представить? Кого публика изберетъ къ тому изъ древ-

(*) Чѣмъ больше въ искуствѣ театральномъ дарованіямъ другихъ подражаютъ, тѣмъ больше открываются слабости.

древнихъ? оныхъ Актеровъ ужѐ нѣтъ на свѣтѣ. И естьли справедливо, какъ и сумнѣваться не можно, что первые комедіанты, были очень худые артисты; то всякое приращеніе искуства кажется неудобнымъ и сумнительнымъ, когда только для Актера достаточно, рабски одному другаго копировать. Когда театральное подражаніе низведется къ дарованіямъ обезьянъ и попугаевъ, тогда славный Гаррикъ будетъ только простый рукомесленикъ; сей удивленія достойной человѣкъ, который своему собственному духу долженъ истиннымъ Характеромъ Ироя, который онъ лучше Стихотворцевъ и повѣствователей, любить или ненавидѣть принуждаетъ. Природа въ разсужденіи Гаррика, когда сравнять онаго съ Актерами его времяни, то сдѣлала, что сдѣлала она съ челокѣкомъ, когда

онаго сравнять съ скотами; шкура для медведя, сила для быка, крылья для ястреба, а разумъ для человѣка. Такъ возвышаетъ величавость Кинова нашу душу, а нѣжность Баррія насъ трогаетъ; въ Вилксѣ природныя пріятности льстятъ чувствительности, а Гаррикъ повергаетъ насъ во изумленіе, очаровываетъ насъ, посредствомъ своего глубокаго разума, который себѣ все подвергаетъ, и кажется дарованія своихъ предшественниковъ дополняющимъ, и самого себя превосходящимъ. Еслибъ личное подражаніе было источникомъ истиннаго искуства, то по смерти Артиста искуство сіе съ нимъ пропадало бы; но правила не имѣютъ другихъ предѣловъ, кромѣ самихъ себя; искуство не умираетъ. Актеръ зло привязанныхъ только къ перениманію, удобно лишаетъ насъ

тыся-

тысячей красотъ подлинника. Но появляющійся на театрѣ Гаррикъ, научаетъ насъ подражать одной природѣ, чтобъ наконецъ быть копіею съ самаго себя (*).

Во многихъ Актерахъ копирующихъ великихъ мастеровъ, и въ промежкахъ благосклонно принимаемыхъ, примѣчается, сколь слабъ и безплоденъ путь подражанія. Премѣненіе его голоса, его вида, его взглядовъ, все открываетъ въ немъ развращенное чадо под-

(*) Въ искуствѣ чувствованія только тогда поражаютъ, когда наше собственное сердце тронуто. Образецъ смѣяться и плакать кто у другихъ перенимаетъ, во мнѣніи, что въ глазахъ публики будетъ сочтенъ оный истиннымъ, есть мысль излишная, достойная Арликина, который съ цѣлымъ свѣтомъ разговариваетъ, сказавши, что онъ нѣмъ.

лости, кое раскaзываетъ наизустъ урокъ свой, онаго неразумѣя. Мелодія и несходство рѣчей съ неискуствомъ произносимыя, возмущаютъ насъ еще болѣе, нежели самое сихъ пропущеніе, въ мѣстахъ гдѣ оныя нужны: нечувствительность можетъ имѣть извиненіе, а несообразимость никогда. Утверждающіе, что бываютъ хорошіе Актеры безъ силы опредѣлительной, не суть довольно примѣчательны. Сіи Актеры имѣютъ больше разума, нежели они сказываютъ, или не есть толь великіе Актеры, каковыми они ихъ быть думаютъ.

Чтобъ выразить хорошо всѣ роды положеніевъ, Актеръ долженъ прежде начала различить, въ чемъ оныя состоятъ; каждый родъ требуетъ особаго выраженія. Для страстей, кои почти повсегда совокуплены, понужденія крѣпкаго легкаго,

или молнія двухъ пригожихъ пламенныхъ глазъ, не суть достаточны. Живѣйшее страсти, еще недовольно выражено, когда Актеръ не отъ сцѣны въ сцѣну степень крѣпости въ цѣломъ ея собственномъ Характерѣ определяетъ. Прелесть голоса и дарованіе слезъ не всегда предпоставляются отъ различительной силы, оными управлять долженствующей; должно чувствовать, гдѣ сколько надлежитъ голосъ возвысить или понизить а проливая слезы, сколь далеко онымъ должно течь. Одно слово съ достоинствомъ произнесенное, можетъ больше возбудить страха, нежели длинная жестокостію наполненная рѣчь. Иногда состоитъ больше пріятности и благородства, выронить нѣсколько капель слезныхъ, нежели пролить цѣлую оныхъ рѣку, кое выражаетъ подлость или слабость.

Шакеспиръ былъ обнадеженъ, когда онъ влагаетъ во уста Королю Генриху важныя угрозы, кои говоритъ сей молодому горячему человѣку, хладокровно: „ пришлите къ намъ опять вашихъ военнопленныхъ, или вы услышите обо мнѣ. Онъ имѣлъ справедливость, почти вся сила сихъ простыхъ словъ лежитъ въ важности голоса, произносящаго оныя, Актера; многiй шумъ учинитъ сiи слова словами забiяки, и Короля обесчеститъ. Старые Актеры жившiе еще во времена Шакеспировы, говорили сей стихъ голосомъ грубымъ и суровымъ; нынѣшнiе Актеры сему подражаютъ; но они потеряли выраженiе, которое кажется утверждается въ одномъ только словѣ: вы услышите, слово сiе по себѣ значитъ мало; но по Шакеспирову распростираетъ ужасъ, когда разумный Актеръ можетъ

хорошо

хорошо употребить мысль его; словомъ сказать, въ его времена умѣли слова сіи учинить страшными безъ крику: нынѣжъ наши Актеры произносятъ и всю прочую часть стиха грозящимъ голосомъ, но ужасъ въ нихъ изчезаетъ, продолжительная угроза уже не есть угроза въ другихъ случаяхъ, таже самая мысль, которая кажется владѣетъ только единымъ словомъ, сообщается всему стиху; и такъ повсегда для важнѣйшаго слова. Должно сберегать умѣренный ко оному приличный звонъ голоса; а тѣмъ всему выраженію придавать крѣпость. Таковы по большей части суть тѣ стихи, въ коихъ мысль велика и наполнена чувствительности, а выраженія обыкновенно просты, но провождаются нѣкоторымъ достоинствомъ. Когда старый Король Леаръ убійцъ своихъ умертвилъ своею рукою, увидѣлъ онъ свидѣтеля своей

побѣды, и съ чуствительностію сердца возопилъ, развѣ у меня нѣтъ товарищей! Въ семъ видимо Ироическое спокойствіе, и торжество въ четырехъ простѣйшихъ словахъ выраженное, еслибъ онъ сказалъ больше, то важность бы пропала. Шакеспиръ весь наполненъ употребленіемъ выраженіи сего рода, у него повсюду величіе, онъ находитъ самое совершенство въ выраженіяхъ, въ коихъ другіе побоятся унизить мысль свою. Сіи суть красоты, кои не просвѣщенный читатель проходитъ нечувствуя ихъ, и мы сіи счасливыя смѣлости равномѣрно не примѣтимъ, когда Актеръ съ симъ великимъ начертаніемъ не соединяетъ Костюму своего искуства, то есть, приличество и истинну выраженія.

Должно припомнить, что единое остроумно приведенное слово иногда больше можетъ

про

произвесть дѣйствія, нежели все изобиліе словъ; равномѣрно нѣсколькія капли слезъ умягчаютъ просвѣщенную публику; одинъ вздохъ, сія невольная дань человѣческой гордости, лучше изображаетъ скорбь, нежели вѣчныя слезы, кои превращаются въ подлость, и только презрѣніе вливаютъ. По сему существенно есть, что недолжно забывать человѣка въ Ирoѣ, и сочинитель съ Актеромъ, ни когда не по забудутъ природу, если имѣютъ подобострастіе къ чувствованіямъ. Шакеспиръ, умѣвшій толь хорошо соединять чувствительность сердца съ величіемъ души, оказалъ оное въ характерѣ Макдуфа, и между тѣмъ какъ онъ побѣждаетъ скорбь постоянствомъ Ироя, скорбь даетъ ему чувствовать, что онъ человѣкъ. Я хотѣлъ бы чтобъ на не способномъ къ перемѣнамъ лицѣ Катона, текли

ли

ли слезы, при произношеніи славнаго стиха сего:

„Благодареніе богамъ, мой сынъ учинилъ свою должность!

Я съ опасностію противорѣчу Исторіи: „Римъ наполнилъ „очи свои слезами, а онъ не вы„ронилъ ни капли оныхъ по „своемъ умершемъ сынѣ.„ Видимо нѣчто суровое въ сей строгости Катона, добродѣтель ни когда не имѣла таковаго Характера. Сей бодрый Римлянинъ, сколь ни привязанъ былъ къ своему отечеству, долженствовалъ быть столькожъ отецъ, какъ и Согражданинъ. — Сказать короче, разумъ распространяется до всего; отъ органовъ души, до наружныхъ дарованій, и прекраснѣйшая фигура на свѣтѣ перестаетъ привлекать, когда поведеніе оныя не пріятно; она учинится смѣшна, возбудитъ презрѣніе чрезъ ложныя положенія, и чрезъ движенія,

женія, кои Характеру и обстоятельству противны. Когда разумъ владѣетъ не всею игрою лица; когда Физіогномія почти не въ каждую минуту перемѣняется, какъ требуютъ обстоятельства и различіе страстей; то всѣ случаи души, коимъ лице есть истинное зеркало, насъ тронуть не могутъ, если мы наономъ ни чего не видимъ; не довольно чтобъ въ каждой сценѣ выраженіе взглядовъ и игру личныхъ чертъ учреждать, по обстоятельству чувствуемой страсти; всеобщее выраженіе, должно относиться въ каждый степень особливой страсти, кою дѣйствительно чувствуешъ.

О

О выраженіи.

Не одно то только, чтобъ вообще уразумѣть мысли сочинителя, великому Актеру должно присовокупить къ тому огонь и пріятность, коихъ недостаетъ въ драммѣ; и сіи съ возможнѣйшимъ сходствомъ выразить. Есть безсумнѣнія мгновенія, въ которыя пристрастная бодрость, безмѣрная пылкость, и глупое легкомысліе увеселяютъ. Безпорядки разума удерживаются для изступительныхъ Характеровъ. Безумная ярость Фомы Пюса была бы нестерпима и въ самомъ страшномъ Баязетѣ. Поклонъ Капитана Плима къ чрезвычайной Принцесѣ земли Салопіянсой еслибъ не былъ чиновенъ съ лишкомъ, то не былобъ нужды сыграть оный прилѣжнѣе въ наше угожденіе; ибо дуракъ тѣмъ есте-

естественнѣе кажется, чемъ больше отъ натуры удаляется.

Иногда сочинитель, когда изображаетъ первыя черты Характера, предоставляетъ Актеру своимъ начертаніямъ сдѣлать отживку. Тогда разумный Актеръ видитъ всю пріятность до каждаго Харектера единственно и въ особливости относящуюся, и который онъ совершенно раскрываетъ, неудерживаясь прилагать къ тому нѣчто и отъ себя. И такъ недовольно, что Піесу совершенно разумѣть Актеръ долженъ, такъ сказать, самъ быть Авторомъ: и не отнесется ему въ несправедливость и дерзость, если онъ въ Ролю свои слова прибавляетъ, а другія выкидываетъ: сіе счаслнвое обстоятельство требуетъ можетъ быть духа еще возвышеннѣе нежели въ сочинителѣ; но мало Актеровъ одаренныхъ толь счасливою

воображительною силою (*). Господинъ Варри наилучше далъ намъ чувствовать силу сей сугубой пріятности. Когда Офицеръ понуждаетъ Графа Ессекса, чтобъ онъ въ ту минуту не задерживалъ казни, когда его любовница упала въ обморокъ, сочинитель не назначилъ ему кромѣ сихъ двухъ словъ: посмотри туды. Когда сочинитель опредѣлилъ, что Актеръ картину сего

(*) Какъ бы Актеръ приуготовленъ ни былъ; но на театръ выступаетъ, такъ сказать, какъ бы онъ недолго размышлялъ. Дарованія его зависятъ отъ расположенія, въ каковомъ въ то мгновеніе находятся душа его и ея органы; и совершеннѣйшій Актеръ не можетъ ручаться и за малѣйшія черты, кои онъ выражаетъ. Сія неизвѣстность, на которую однако не взирая подходитъ онъ къ естеству, кажется въ самомъ дѣлѣ въ сіе мгновеніе счасливаго Актера уподобляетъ сочинителю.

сего жалостнаго обстоятельства чрезъ замѣшательство своихъ взоровъ, и совершенное унынiе дополнитъ: то должно признаться, что господинъ Барри надежду его превозвысилъ. Усугубленная живость заслуживаетъ здѣсь величайшую похвалу; оная есть для Трагическаго Актера совсемъ другая трудность, нежели для Комическаго. Несчастная нѣжность есть щекотливое обстоятельство; оная есть то, въ чемъ искуство почти сумнѣвается. Прерывающiйся голосъ Актера; его едва внятныя слова; его не извѣстное положенiе; его скорбью удерживаемыя движенiя, суть можетъ быть смущеннѣйшiя изъ могущаго быть на театрѣ. Таковымъ то образомъ выраженiе сочинителя приводится въ совершенство. Одно чтенiе можетъ намъ подать мысль только не явственную: лишь примѣчанiе, единый

взглядъ, малейшій видъ, недвижимость Актера содержатъ иногда сіи неожидаемыя пріятности, сію силу, сіе дополненіе коихъ весь разумъ сочинителя постичь не можетъ.

Пауза или промежекъ молчащій, который Италіанскіе Актеры называютъ tempo, то есть время, есть одна изъ великихъ таинъ представленія. Дѣйствія ея удивительны. Но сіе весьма по всюду, по крайней мѣрѣ на Комическихъ театрахъ пренебрегается; и очень странно, что Италіанскія Актеры, коихъ дѣйствія толь живы, и почасту толь мало исправны; но сію паузу такъ хорошо наблюдать умѣютъ, и превосходятъ въ томъ Французскихъ, коихъ искуство таково размѣрно, и кои всеконечно не меньше вкуса и разума имѣютъ, предъ своими сосѣдями (*).

Дѣй-

(*) Славный Кинолъ Дюфренъ, когда игралъ

Дѣйствительно чувствительный Актеръ умѣетъ возбуждать страсти, кои самъ чувствуетъ. Но когда разумъ недер-

---

играль Ахилла въ Ифигеніи, остановился по среди быстрѣйшаго тока укоризнъ, кои дѣлалъ онъ Агамемнону: вы коихъ отмщевала рука моя въ воспаленномъ Леебосѣ -- -- и началъ опять съ презрѣніемъ: прежде нежели вы собрали ваше войско очень чувствительно все дѣйствіе, каковое сія счасливая перерывка произвесть должна, я предлагаю еще содержаніе рѣчи, кою всегда наблюдать должно, и коя можетъ служить въ примѣръ. Стратоника расказываетъ Павликѣ о обращеніи Поліевкта: измѣнникъ, злодѣй, подлый, отцеубіица, проклятое повѣтріе всѣхъ добродѣтельныхъ людей; безбожный святотать, словомъ — Христіанинъ! но промежка стремительна и по себѣ опасна. Вкусъ подкрѣпляемый разумомъ, долженъ опредѣлить ея мѣру.

житъ въ порядкѣ чувствительность, то одна натура слѣпова водить не можетъ; онъ будетъ взмущенъ или спокоенъ часто въ не надлежащее время. Должно вѣдать сколь далеко страсти во всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ восходить могутъ, но сіи обстоятельства суть безконечныя разноты; они часто бываютъ на то или другое сходствующи, но не всегда самыя тѣ видаютъ Актеровъ плачущихъ, когда имъ должно, въ гнѣвѣ приходить. Здѣсь дѣло не въ томъ состоитъ чтобъ испытывать, сколько они имѣютъ чувствованія, но какъ онымъ управлять должны. Слезы надлежатъ собственно разгнѣванной женщинѣ, или младенцу: гнѣвъ Ироя долженствуетъ производить совсѣмъ противуположенныя дѣйствія. Весьма обманываются, когда воображаютъ, что сіи толь легкія слезы суть красотою. Плакли-

кливость бываетъ почасту страстью Комедіанта, но не лица, которое онъ представляетъ. Я нѣсколько разъ видалъ Театральнаго Короля въ гнѣвѣ, и наполненна дѣйствительнымъ но неразумнымъ чувствованіемъ, но ярость сія была яростію надлежащею мяснику. Здѣсь, какъ и въ первомъ примѣрѣ, природныя дарованія не отвергаютъ ни какой вещи, развѣ оная безразсудна и не основательна. Необходимо нужно, исправлять свою опредѣлительную силу, но сіе такъ часто пренебрегается, что я между прочимъ видалъ очень разумнаго комедіанта возбуждающаго смѣхъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ необходимо слезы проливать должно.

Гнѣва суть различные роды. Храбрость есть первое свойство Ироя Омирова: между тѣмъ бодрость Ахиллесова, весьма различествуетъ отъ Гекторо-

вой. Драмматическій писатель наблюдаетъ различіе Характеровъ еще чаще нежели Епическій; скорбь простой матери есть совсѣмъ другаго рода отъ скорьби Андромединой; сіе разумѣется о всѣхъ страстяхъ. Въ различныхъ состояніяхъ жизни сочинитель нетѣряетъ оныя никогда изъ вида; но всѣ старанія сочинителева духа почти безплодны; когда Актеръ, не овладѣетъ различіемъ страстей, по разнымъ человѣческимъ обстоятельствамъ, и самымъ несходствомъ и разностію страсти въ особливомъ человѣкѣ. Съ различіемъ Характеровъ равное обстоятельство, какъ съ предмѣтами на картинѣ; одни очень свѣтлы и явственны, а другія хотя примѣтны, однако удалены, и въ тѣни закрыты (*) Ак-

(*) Трагическій Актеръ, которой нѣсколько знаетъ то, что прежде его

Актеръ ревностно старающійся отличиться въ своемъ искуствѣ, долженъ почасту призывать въ совѣтъ сочинителя, чтобъ хорошо понять мысль своей Роли, или по меньшей мѣрѣ чтобъ въ томъ подтвердиться, что оную хорошо уразумѣлъ; въ прочемъ же гордый посредственный Актеръ часто можетъ лишать публику пріятностей, кои дѣйствительно важны (*).

его случилось, и который свѣдущъ о своемъ столѣтіи, родъ каковымъ умираетъ Сократъ, не учинитъ по обычью Англинскому, кои съ Хладокровіемъ посылаютъ себѣ въ лобъ пулю, Одинъ уступаетъ судьбѣ своей, ненавидя жизни, а другой мерзитъ оною, не взирая на являющееся свое спокойство.

(*) Мы познаемъ самолюбіе свое только чрезъ другихъ, по сему Актеру должно другихъ спрашивать о совѣтѣ, и оныхъ равно какъ и самаго себя испытывать.

Приключенїе, которое по первому виду кажется наклоняющимся къ возмущенїю, но въ коемъ естество чувствованiя требуетъ лишъ кроткаго движенiя, обманываетъ несвѣдущаго Актера, перемѣняетъ Характеръ, и понеже прочїе Актеры тѣмъ принуждаются воспрїять ложный съ тѣмъ согласующїйся голосъ, то явленїе будетъ ужѐ не познаваемо (*). пред-

(*) Когда Баронъ представлялъ Митридата, въ одинъ разъ выступилъ онъ на театръ провождаемый Ксиѳаромъ и Ѳарнацесомъ; и началъ говорить по нѣкоторомъ безмолвномъ выраженiи, коимъ казалось онъ изобразилъ размышленїе свое о томъ, что ему его оба сына сказать могутъ. Когда онъ возвращался за кулисы, спросилъ онъ у одного своего товарища, доволенъ ли онъ имъ? Ваше дѣйствїе было ложно, отвѣчалъ Коме-

представленіе почти сходствуетЪ на мѢсто положенія земли, гдѢ удаленныя предмѢты, принуждено бываетЪ представлять слабо и вЪ уменьшеніи. Сіе мѢстоположеніе земли очень обширно, но духЪ человѢческій оное пробѢгающій, еще распространеннѢе. Когда множайшія несносныя страсти должны сближиться и соединиться, тогда великое состоитЪ искуство показать, что они неодинаковы; на театрѢ равно какЪ на картинѢ, должно наблюдать содер-

---

КомедіантЪ. При извиненіи двумЪ молодымЪ ЦаревичамЪ размышлять не о чемЪ, должно онымЪ отвѢтствовать при самомЪ на нихЪ взглядѢ, ибо толь великій человѢкЪ, какЪ МитридатЪ, долженствуетЪ сЪ перваго вида понимать и проницать величайшія вещи. БаронЪ почувствовалЪ важность сего наставленія, учредился по оному.

жанія, и всему цѣлому дать возможное согласіе. Знаніе искуснаго живописца состоитъ въ томъ, чтобъ перемѣны красокъ въ разныхъ отстояніяхъ учинить примѣтными; такъ и Актеръ, сей великій живописецъ души, долженствуетъ намъ малейшія перемѣны, и всѣ переходы отъ одного чувствованія къ другому сдѣлать примѣтными, не смѣшивая оныхъ, какъ бы быстро оныя другъ за другомъ ни слѣдовали.

Взглядъ лица, который естественнымъ образомъ подкрѣпляетъ выраженіе, долженъ быть менше навыченъ, чѣмъ истиненъ равно какъ и звонъ голоса, возклицанія сумнительныя слабыя или непріятныя наклоненія (*). Должно признаться что могутъ

(*) Когда Киноль Дифренъ въ ролѣ Цинны выговаривалъ стихъ, изобража-

гутъ случиться довольно выработанныя малыя обстоятельства въ коихъ почти и посредственному Актеру ошибки сдѣлать не можно въ истинномъ выраженіи; но таковыхъ не много; родъ оныхъ тѣмъ легче, чемъ правильнымъ образомъ не содержатъ они ихъ страсти, кромѣ лица,

---

жающій отъ Августа подкупленнаго убійцу; „его (убіеннаго) голову держа въ рукѣ, требовалъ онъ мзды своей. тогда правую свою руку, коя была унего загнута назадъ, выдернулъ онъ съ усильностію и потреся показывалъ во оной голову убитаго. Видъ сей произвелъ трепетъ, и представилъ всѣ изображенія. Можетъ быть сіе изобрѣли прежде его, можно сіе и впредь употреблять съ удачею; но ни когда не соединять съ тѣмъ страшнаго выраженія, если не имѣютъ сего прекраснаго огня, сего восторга, сего достоинства; сихъ пріятностей, которыя учинили его толь славнымъ.

лица, повѣствованія, описанія; но каковыя между тѣмъ имѣютъ свои особливыя тонкости и красоты цвѣтовъ, коихъ Актеръ снабженный хорошею опредѣлительною силою никогда пренебречь не можетъ.

Утверждающіе, что долговременная навычка на театрѣ можетъ служить вмѣсто глубокой опредѣлительной силы, суть въ заблужденіи, или имъ не должно вѣрить. Правда, что вѣрное подражаніе кажется иногда погрѣшности разума дополняющимъ, но тогда оное ужè не есть навычка, но ослѣпленіе вображенія, кое служитъ глазамъ нашимъ вмѣсто опредѣлительной силы; ибо ежедневно встрѣчаются люди безъ остроты и навычки, которые подражаютъ въ голосѣ и ухваткахъ особамъ, коихъ не видывали. Сіе дарованіе, которое въ обществѣ пріятно, не можетъ быть таковымъ

вымъ на театрѣ, если не будетъ подкрѣпляемо разумомъ и основаніями. Однимъ словомъ, всѣ возможныя способности подражать Артисту, есть дарованіе въ подражаніи природѣ, имѣющее свое счастіе обязаннымъ не осторожному предразсудку зрителей, кои больше заняты забавою, чтобъ входить во испытанія (*). Истинный разумъ ищетъ природу въ ея начальномъ источникѣ; сіе то показываетъ во всѣхъ

(*) Когда впервые представляли трагедію Инесы де Кастро, и дѣти ея показались на театрѣ, тогда Партера, которая всегда склонна къ шуткамъ, начала сіе съ ними. Ла Дюклоса представлявшая Инесу, остановилась и сказала довольно громко: смѣйся глупая Партера, при прекраснѣйшемъ мѣстѣ на свѣтѣ. По томъ продолжала свой стихъ, дѣтямъ ударили въ ладони, и піеса получила одобреніе, кое она заслуживаетъ.

всѣхъ художествахъ великаго Артиста; таковый есть, такъ сказать, вдругъ и подлинникъ и примѣръ. Рабствующій подражатель повторяетъ то, что другіе прежде его видали, а не то, что онъ самъ чувствуетъ, онъ можетъ подражать только ихъ погрѣшностямъ, и презрительнѣе чрезъ копированіе нежели что онъ ихъ худо копируетъ.

Природныя дарованія кои на театрѣ пріемлютъ за опредѣлительную силу, получаютъ счастіе свое отъ мнѣнія, которое неможетъ быть продолжительно. Единообразіе и одногласіе, провождаютъ ихъ, и публика когда возвратится отъ своего предразудка, отвергаетъ ихъ въ степень не удачливыхъ дарованій. Человѣкъ рѣдкаго Характера вдругъ оказываетъ себя примѣчанія достойнымъ, онъ кажется рожденнымъ

для

для пріобретенія счастія, хотя и то правда, что пьяница почасту напивающійся, по тому не лучше сыграетъ ролю пьянаго, но развѣ хуже, когда онъ дѣйствительно пьянъ будетъ. Но однакожъ сіе почти случай отличающагося дарованія. Особливое сложеніе или Темпераментъ есть непремѣнное учрежденіе, родъ упоенія, который однако не меньше на театрѣ кажется быть не достаточнымъ. Сей есть можетъ быть сильнѣйшій доводъ о необходимости искуства, кое надлежитъ сообщать съ природою. Дѣйствительно глупый Актеръ въ своемъ собственномъ характерѣ есть счасливъ; но сіе и все на что онъ дерзнуть можетъ: коль скоро появится онъ въ другой ролѣ, ослѣпленіе исчезнетъ, и примѣтятъ, что били въ ладони глупому комедіанту, думая что удивляются Актеру.

Драм-

Драмматическій сочинитель счастіемъ своимъ обязанъ бываетъ дарованіямъ Актера больше, нежели воображаетъ. Худшіе комедіанты не приобретутъ ни когда ему благосклонности, которая съ славою Піесы, его счастіе составляющею, бываетъ равномѣрна. Если хорошее сочиненіе будетъ сыграно худо; цѣна его упадаетъ, но остаются еще для онаго безпристрастные читатели. На противъ посредственное но хорошо разположенное сочиненіе, когда будетъ представлено искусными Актерами, возблистаетъ оно тысячьми новыхъ красотъ, о коихъ сочинитель безсумнѣнія и не помышлялъ Онъ возрадуется о безсмертномъ имени, за которое не обязанъ своему разуму.

Комедія, которая ближе сходствуетъ къ нашимъ нравамъ, нежели подвиги Иройскіе, полу-

получаетЪ отЪ Актера тонкость чувствительности, истинну ухватокЪ, легкое выраженіе, кои важность трагедія рѣдко допускаетЪ. Трагедіи шествуетЪ дѣйствительно по средствомЪ собственной своей силы по несчастіямЪ и преступленіямЪ (*). Комедіяж Ъ только шутитЪ, и дышетЪ пріятностьми. Комическій АктерЪ кажется меньше быть вЪ подозрѣніи, когда ему недостаетЪ разума, нежели Траги

(*) ВЪ Парижѣ представляли Митридата на меншемЪ Театрѣ. Публика освистала первый АктЪ столько, что ле ГрандЪ, старшій Комическій АктерЪ, на отрѣзЪ сказалЪ кЪ Партерѣ: „ Государи мои, лучшіе Актеры взяты ко двору, и такЪ не удивительно, что забавляющіе васЪ, вамЪ не нравются. Я, напримѣрЪ буду представлять Митридата. „ Всѣ очень смѣялись, и онЪ сЪ прочими своими товарищами до конца піесы, былЪ аплодированЪ.

гическій. Первый пробѣгаетъ неизмѣримый путь, который тысячамъ людей свѣдомъ; который есть настоящій образъ обыкновенной жизни; все въ ономъ ощутительно ни что неукрывается отъ очей и тѣхъ, кои не очень ясно видятъ. И такъ несправедливо воспрещать Трагическому Актеру въ разпространенномъ дарованіи, кое другимъ толь щедро дозволяютъ. Его искуство, говорятъ нѣкоторые может дѣйствовать, только въ весьма ограниченномъ планѣ. Но сей планъ есть великолѣпенъ, и почти чрезъестественный. Оному приписываютъ не много: но отличнѣйшія дарованія толь рѣдки, что и малаго числа знатоковъ удовольствовать немогутъ. Трагическій Актеръ требуетъ силы различительной обширнѣйшаго пространства, нежели Комической, оная ему дѣйствительно необходимо нужна, дабы проникнуть глубочайшія мысли.

Пара-

Паралель между хорошимЪ выраженiемЪ рѣчей во обоихЪ родахЪ служитЪ показанiемЪ, сколько слабѣе сiи вЪ Трагедiи бываютЪ, нежели вЪ комедiи.

Утверждать, что видали искусныхЪ АктеровЪ, коимЪ недоставало разума, значитЪ сказать половину того, что сказать надлежитЪ. РазумЪ придворнаго человѣка, весьма различествуетЪ отЪ свойства купца, входящаго вЪ великое счастiе. Сей родЪ разума, который блеститЪ вЪ нѣкоторомЪ округѣ, не всегда сЪ большею пользою употребителенЪ. Великiе Актеры, кои иногда неснабжены симЪ родомЪ разума, имѣютЪ покрайней мѣрѣ таковой, который насЪ на театрѣ восхищаетЪ. ГласЪ доброй публики еще и того дороже, и обыкновенно рѣже. Каковаго бы рода ни былЪ разумЪ сихЪ великихЪ АртистовЪ, покрайней мѣрѣ сдѣлали они оно-

му толь благородное и пріятное употребленіе. Трудно сказать имъ еще лѣстнѣйшую похвалу: благоволеніе публики служитъ судителямъ ихъ вмѣсто отвѣта.

Дарованіе Комическаго Актера, заимствуется отъ великой толпы, а дарованіе трагическаго есть тонѣе, возвышеннѣе, и слѣдственно меньше чувствуется. Молодой безразсудной, и пьяной слуга всегда можетъ понравиться, излишества, дерзость, коверканье, есть толь легкая вещь, что она можетъ обойтиться безъ лишняго разума и предписанія. Въ Трагедіи мы вздыхаемъ, любимъ наши слезы, и тѣхъ кои насъ оныя проливать заставляютъ; сіе чувствованіе учиняетъ насъ драгоцѣннѣе въ нашихъ собственныхъ очахъ. Въ комедіи ищемъ мы смѣшнаго, и того удовольствія, за которое отвѣтствуетъ какъ

Актеръ, такъ и сочинитель; коль же скоро Актеръ насъ увеселилъ, то намъ ни какой нѣтъ до того нужды, ролѣ ли его, или самому ему мы смѣемся; и самъ онъ о дальнѣйшемъ не помышляетъ. Когда весь свѣтъ въ удовольствіи, чего больше не достаетъ зрителямъ? Ни чего, кромѣ въ надлежащемъ мѣстѣ бить въ ладони. Мы прибѣгаемъ къ последнѣйшимъ шуткамъ, чтобъ расточать при оныхъ жалкій смѣхъ, мы поступаемъ равномѣрно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ Актеръ бываетъ въ большихъ излишествахъ нежели его роль презрѣніе наше пріемлетъ за похвалу, и продолжаетъ свое дѣло, поколь ему кажется, что ему аплодируютъ. Я видѣлъ цѣлое собраніе хохотавшее особѣ Милорда Фата, коего рѣчи, видъ и ухватки не имѣли въ себѣ пристойнаго знатному человѣку.

вѣку. Надобно думать что Актеръ восхищался, когда сходя съ театра слышалъ говорящихъ!,, вотъ, по чести забавный человѣкъ" въ семъ случаѣ слѣдуютъ люди вкусу общему: правда, что имъ должно краснѣться отъ сей забавы. Величайшій смѣхъ происходитъ либо отъ глупости комедіи, или Актера. Когда великія погрѣшности кажутся быть принятыми; то слабыя красоты должны очень живое производить чувствованіе, и сіе по часту бываетъ отдаваемо къ чести сочинителей и Актеровъ, кои ослѣпясь легкимъ счастіемъ удачи, засыпаютъ въ посредственности. Трагедія не терпитъ ни каковаго излишка, ни какой чрезмѣрности, и можетъ быть только разумомъ избавляетъ себя Актеръ отъ насмѣшекъ. Многія вещи, коими долженъ онъ только своему искуству, убѣгаютъ отъ замѣчанія боль-

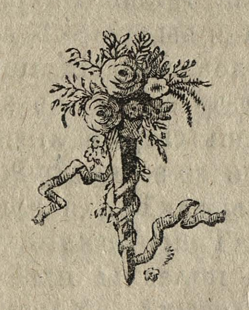
больше нежели одного изъ знатоковъ, совершенное примѣчаніе къ чувствованіямъ, совсѣмъ не можетъ усмотрѣть сихъ тонкостей, кои Актеръ соединяетъ съ чувствованіемъ; гдѣ между тѣмъ малѣйшая ошибка можетъ возмутить остроумнаго зрителя (*). Вещественная разность обоихъ родовъ есть, трогать сердце, или увеселять духъ. Трагедія насъ трогаетъ до внутренности. Въ комедіижъ вообраЖеніе освобожденное отъ безпо-

(*) Господинъ ла Нуе сказалъ въ одномъ стихѣ съ нѣжностію: я скрежещу отъ гнѣва; и съ впѣчатленіемъ я трепещу отъ жалости. Здѣсь всѣ звуки противурѣчущи словамъ, но между тѣмъ онъ благоразумно выразилъ мысли; ибо въ то мгновеніе, когда сіе лице говоритъ, онъ долженствуетъ больше наблюдать необходимость чувствованія, нежели прилѣжать о томъ, что онъ говоритъ.

покойства прыгаетъ вольно чрезъ всѣ предметы; она есть бабочка, коя ласкаетъ и послѣднѣйшія изъ цвѣтковъ. Сіе расположеніе для Комическаго Актера есть неисчерпаемый источникъ угодности для зрителей, но Трагическій между тѣмъ какъ ему удивляются, неможетъ еще присвоять себѣ примѣчанія, къ нему должнаго, какъ бы ни тонко было движеніе, кое онъ въ насъ возбуждаетъ. Одобреніе въ комическомъ есть всеобщее и не опредѣленное; а въ трагическомъ ограниченнѣе и короче. Весьма примѣтное различіе между смѣлостьми сихъ обоихъ родовъ: Трагическій Актеръ недолженъ позабываться ни на мгновеніе ока; а комической составляетъ тѣмъ свое счастіе, что забываетъ благопристойность; и дерзостямъ обязанъ, за большую часть своихъ похвалъ. И такъ Трагическому Актеру не

дол-

должно оспоривать степень силы опредѣлительной, который отличаетъ его отъ Комическаго: если ближе заключимъ о ихъ природныхъ дарованіяхъ, то увѣримся, что первый предъ другимъ выигрываетъ въ преимуществахъ дарованія и разума.

О чупствительности.

Изъ всѣхъ природныхъ дарованій великаго Актера счасливый разумъ безспорно есть выгоднѣйшій; не посредственножъ за онымъ должно слѣдовать чувствительность, сіе любви достойное расположеніе сердца, которое насъ подъ покрываломъ искуства и выдумокъ всѣ муки и всѣ удовольствія природы и истинны чувствовать заставляетъ. Есть сверхъ личныя свойства, кои во всякихъ Роляхъ не обходимы какъ для комедіанта такъ и Трагическаго Актера; а другія полезны имъ только во особливыхъ Характерахъ. Соразмѣрно нашему предпріятію будетъ, вопервыхъ предложить о всеобщихъ свойствахъ, ибо оныя приведутъ и къ другимъ. Представленіе есть возвышенная картина, она есть дѣло двухъ великихъ Артистовъ, сочини-

чинителя и Актера. Первѣйшій ея предметъ стремится къ возбужденію страстей: отъ одного въ лицахъ описаннымъ краснорѣчіемъ, а отъ другаго чрезъ видъ, слова и согласіе цѣлаго. Итакъ Актеру должно прилѣжнымъ объятіемъ мыслей тщательно испытать, дабы оныя лица одѣять иногда въ живѣйшія краски, а иногда въ тонкія облаки: и сіе производитъ разумъ. Долженствуетъ же онъ крѣпко чувствовать и страсти, кои въ насъ вливать намѣренъ; и сіе то есть чувствительность, сіе искушающее дарованіе (*). Кое

(*) Баронъ наполнялъ себя еще за кулисами, всѣми тѣми обстоятельствами кои онъ говорить готовился. Онъ казался внѣ себя, онъ вопрошалъ себя, воздыхалъ, говорилъ къ другимъ о своемъ печальномъ состояніи какъ бы дѣйствительно во ономъ нахо-

кое нѣкогда цѣлый Аѳинскій народъ привлекло слѣдовать во слѣдъ Греческихъ Ораторовъ. Въ весьма не равныхъ дѣлахъ, которыя почасту открываетъ природа между Артистами; владѣютъ иныя сею (чувствительностію) отъ младенчества, другіе кажется ее пріобрѣтаютъ, иные имѣютъ ее во множествѣ, другіе совсѣмъ не имѣютъ. Дѣйствительно чувствительный Актеръ находитъ таинство, тронуть насъ въ Трагедіи и въ Комедіи: сіи оба рода чувствительности составляютъ только единое. Они не требуютъ отъ зрителей ни разума, ни великой опредѣлительной силы, дабы быть замѣченными; весь свѣтъ соглашается съ нею, гдѣ она истин-

---

находился, и такъ выступалъ онъ на театръ. Сему преизрядному основанію посредственныя Актеры мало слѣдуютъ.

истинна, по крайней мѣрѣ когда оная въ настоящемъ оказана будетъ мѣстѣ, или не сверьхъ крайности увеличится. Въ Трагедіи господствуетъ она съ множайшими выгодами: она пріемлетъ счастливый полетъ въ родѣ Драммъ, кои суть посредство, между Комедіи и Трагедіи.

Здѣсь между тѣмъ чувствительность, безъ легкаго выраженія составляющаго обыкновенную Комедію, неподвергается Емѳатическому восклицанію въ рѣчахъ. Основаніе сему ясно: собственный Характеръ сей Трагико-Комедіи пріемлетъ всю свою силу отъ простѣйшихъ положеніевъ, и видимыя въ ней умодвиженія отъ простосердечія особъ представляемыхъ; сіи черты повсегда естественны, и по тому должны безконечно трогать. Французы писали множество Комедій сего рода,

кои

кои называютъ они *Плачепныя Комедiи*. Римляне оныя знали, они имѣли столько здраваго разума, что удовольствiе свое изъ того составляли. Мы находимъ изъ сихъ нѣкоторое начертанiе въ нашихъ Англинскихъ Комедiяхъ; оныя трогаютъ насъ живо, и наши Актеры, наилучшую похвалу прiобрѣтаютъ въ семъ родѣ.

Думали, что чувствительность есть отголосокъ силы опредѣлительной, и что одна съ другою находятся въ содержанiи; сiе, великая ошибка. Мы видимъ особъ обоихъ половъ, имѣющихъ преизрядную опредѣлительную силу, и коимъ однако очень недостаетъ чувствительности; можетъ быть и самы великiя души больше отъ оной избавлены, нежели другiя; въ самомъ дѣлѣ оная неиное что есть, какъ легкость предаваться страстямъ; но Философiя

софія мѣтитъ больше туты, чтобъ сіе опасное разположеніе побѣдить, или покрайней мѣрѣ сокрыть. Нѣжныя и сильныя страсти втѣсняются безъ разбору между собою въ чувствительное сердце. Оно охотно предается ихъ мученіямъ; и извѣстно, что слабѣйшіе духи въ высочайшей степени чувствительны (*). Но то что ожидается отъ великаго Актера, есть совсѣмъ отличная чувствительность, съ далеко простирающимся разумомъ соединенная, которому сею чувствительностію управлять слѣдуетъ, такъ чтобъ, когда она терзаетъ

(* Можетъ быть отъ сего происходитъ, что вообще больше находится добрыхъ Актрисъ нежели Актеровъ. Вѣсна даетъ женщинамъ желанія, лѣто чувствованія, осѣнь удовольствія, а зима страсти. Наслажденіе ихъ никогда неоканчивается.

заетъ его сердце, входила она въ нашу душу, и вносила во оную безпокойство, бури, слезы любви, ярость ненависти, миръ удовольствія и благополучія. Когдабъ Актеръ имѣющій только всеобщую чувствительность, коя лишъ слабыя духи въ движеніе повергаетъ, возвысился, то часто былъ бы онъ больше въ движеніи, нежели быть долженъ. Когда онъ пронзенъ будетъ для страсти его приличнымъ движеніемъ, кое сочинитель въ насъ возбудить желаетъ, то чувствительность остается, невыступая изъ разума, въ природѣ, и Актеръ нечувствуетъ кромѣ, что онъ долженъ чувствовать, дабы насъ тронуть.

Лонгинъ противурѣчитъ въ своемъ сочиненіи о возвышенномъ Ораторѣ Кекиліи, который прежде его о семъ же писалъ, но говорилъ только о умо-

движи-

движительномъ. Кекилiи думалъ, что необходимо имѣть лишъ часть отличiя. Сiе возраженiе можно сдѣлать всѣмъ тѣмъ, кои содержутъ чувствительность за необходимое послѣдство силы опредѣлительной. Отличное или возвышенное въ Пiесѣ можно дѣйствительно равнять съ достоинствомъ изящнѣйшаго Актера, и умодвиженiе съ чувствительностiю. Возвышенное и умодвижительное не содержутъ необходимаго заимства другъ на друга; ежедневно видятъ, что Актерамъ исполненнымъ возвышеннаго, недостаетъ въ чувствительности; но между тѣмъ сiяютъ они въ нѣкоторыхъ Характерахъ. Вышеписанные писатели замѣтили, что ни что столько не причинствуетъ къ возвышенному, какъ умственное движенiе. Ни что не можетъ быть справедливѣе; и мы очаро-

ваемся, когда видимЪ спокойнаго Актера вдругЪ, и когда меньше всего ожидаемЪ, обЪятаго жесточайшею страстью: чувствительность, и достоинство подаютЪ себѣ взаимно силу, которой ни что противу стоять не можетЪ. Не должно дивиться, что сіи редкія свойства очень не равно между АктеровЪ раздѣленны, понеже люди разныхЪ состояній одною страстью различно бываютЪ трогаемы; достовѣрно, что вЪ партерахЪ, гдѣ здравый разумЪ надЪ обворожающимЪ верхЪ имѣетЪ, повсѣмѣстно прекраснѣйшимЪ мѣстамЪ дается одобреніе, хотя при томЪ каждый особливымЪ чувствованіемЪ бываетЪ трогаемЪ. ИзЪ двухЪ АктеровЪ, кои на примѣрЪ равный имѣютЪ разумЪ, одинЪ будетЪ читать нетронувшись тотЪ же стихЪ, которой другаго такЪ умягчитЪ, что слезы и

рыда-

рыданіе прервутъ слово его. Но совершенство искуства требуетъ, чтобъ Актеръ выражался явственно, и въ тожъ бы время насъ увѣрялъ, что онъ весьма тѣмъ тронутъ, что говоритъ; мы желаемъ наиболѣе чтобъ при раскрытіи его благоучрежденной чувствительности наша не утратилась. Между тѣмъ позволительно Актеру явственное произношеніе словъ, кои суть слабы, когда отмѣнная скорбь прерываетъ его голосъ; тогда составляетъ оное красу; намъ пріятно видѣть природу торжествующую надъ правилами искуства. Черты сего рода на Театрѣ, равно какъ фигуры въ рѣчахъ, не должно лишъ быть во оныхъ расточительну; ибо часто повторяемыя возвышенное и умодвижительное, прежде будутъ дѣломъ искуства и чрезъестественности, нежели живымъ выраженіемъ чувствительности.

О всеобщей чувствительности.

Комедіянты склонные къ нѣжности, думаютъ что они сотворены для Трагедіи, а кои веселаго свойства, для комедіи. Сіе только посредственная часть чувствительности, которая во всемъ совершенствѣ, есть только второй талантъ; ибо можно съ многою естественною нѣжностію или радостію, нѣжно или бодро распространиться въ излишекъ. Душа великаго Актера должна во всѣхъ страстяхъ, такъ же и къ противуположеннымъ чуствованіямъ быть наклонна; онъ долженъ все выражать все чуствовать въ степени силы, каковая для каждаго рода прилична, и со всякою скоростію переходить изъ страсти въ страсть, требуемую нѣкоторымъ Характеромъ. Кингстонъ между нашими старинными Англин-

линскими Актерами имѣлъ сію крайнюю чувствительность своею участью. Онъ самъ по себѣ не былъ такъ живъ, ни задумчивъ, ни гордъ, ни подлъ, его для всѣхъ выраженіи чувствительное сердце, не ощущало другаго кромѣ сочинителева, однимъ словомъ, онъ былъ меньше Актеръ, и больше человѣкъ, нежели кто либо изъ его предшественниковъ. Мы имѣемъ въ госпожѣ Притхардѣ истинный образецъ сего особливаго и на театрѣ толь редкаго таланта. Кроткій, жалующійся голосъ, унылый звонъ госпожи Цибберы привлекаетъ насъ живо въ большей части ея Ролей, но не имѣетъ истинности въ другихъ, какъ ни старается она перемѣнять мягкость своей наклонности. Г. Гаррикъ легко бы выигралъ верхъ совершеннѣйшей чувствительности, еслибъ онъ иногда въ своемъ дѣйствіи, распростиралъ меньше живости,

такъ какъ и Г. Барри меньше нѣжности. Когда Гаррикъ представляетъ Осмина или Рихарда то Гаррикъ изъ сихъ лицъ очень выглядываетъ, а Барри повсегда открывается въ Отеллѣ, или въ Жафіерѣ: Госпожа Циббера придаетъ особамъ Алиціи или Индіаны костуму госпожи Цибберы. Но когда госпожа Притхардъ представляетъ Меропу, то бываетъ она только Меропою, а когда жену Тезееву, то видятъ въ ней только Федру. Примѣчаютъ что единственный Характеръ великаго Актера состоитъ въ томъ, чтобъ не имѣть никакого. Въ слѣдствіе сего правила кажется, что изящнѣйшій Актеръ, дабы въ надлежащее время могъ воспріимать всѣ страсти, долженъ быть великимъ Стоическимъ философомъ, который никакой неуважаетъ. И такъ надлежитъ лишъ для мягкой, и такъ сказать

зать отъ всѣхъ пріятнѣйшихъ склонностей освобожденной душѣ, истинную чувствительность изображать и дѣлать всеобщею. Когда Актеръ не имѣетъ особливой страсти, быть комедіантомъ, то сердце его овладѣетъ оными всѣми въ ихъ ясности, онъ будетъ ихъ такъ чувствовать какъ чувствовалъ сочинитель, и онъ безсумнѣнія достигнетъ того степени совершенства, къ каковому Г. Гаррикъ достигъ въ столь различныхъ Роляхъ. Но сей родъ чувствительности есть какъ разумъ сихъ высочайшихъ свойствъ кои должно воспріять отъ природы; всѣ старанія искуства того не наполнятъ.

Въ трагедіи сія всеобщая чувствительность кажется быть многочисленнѣе; но оная тамъ лишъ есть примѣтнѣе. Въ комедіи оная дѣйствительно обыкновеннѣе, но бываетъ меньше

примѣтна. Великія страсти Трагическія, относятся къ симъ тремъ Характерамъ: любви, мщенію и честолюбію: жестокіе любовники, мстители угнѣтаемой не винности, и честолюбивые, кои всѣ законы попираютъ ногами. Нѣжность матери есть такъ же одно изъ ея великихъ средствъ, а иногда и добродѣтель оскорбленной супруги. Первая исторгаетъ у насъ повсегда потоки слезъ; а для второй не всегда соединяются всѣ голоса, Белвидера меньше трогаетъ, нежели Андромеда. Гнѣвъ и печаль суть двѣ великія страсти Трагическаго Ироя, они дышушъ жалобою или мщеніемъ; сіи между собою толь крѣпко связаны, какъ и благородныя страсти отъ Ироической души неразлучимы. Между тѣмъ переходъ изъ одной въ другую въ сихъ обоихъ первыхъ страстяхъ для разума отяготительнѣе

нѣе нежели воображаютъ. Въ Характерахъ гдѣ господствуетъ ярость, находитъ Г. Гаррикъ, который отъ природы склоненъ къ горячести, что очень трудно переходить изъ гнѣва въ оскорбленіе, какъ то доказывается Ролею Жафіера: а господинъ Барри, коего врожденная склонность нагибается къ искусной печали, находитъ равную трудность; когда онъ въ той же Ролѣ долженъ переходить изъ сѣтованія въ гнѣвъ.

Различныя Трагическія страсти каковы бы они ни были, но оныхъ, какъ мы примѣтили, не много состоитъ, и притомъ они между собою столь различествующи. Въ комическихъ же напротивъ, гдѣ всеобщая чувствительность кажется меньше существующею, Актеръ между тѣмъ находитъ цѣлую громаду страстей къ своему употребленію; должно при всѣхъ притвор-

ворствахЪ духа присутствовать всѣмЪ превращеніямЪ сердца; желаютЪ, чтобЪ тутЪ возмущеніи проворнѣе и лучше были выражаемы; можетЪ быть великія перемѣны Трагическія, любовь, ненависть, честолюбіе, надлежатЪ единственно вЪ ея область, и сіи, хотя различно выражаемыя страсти суть здѣсь многочисленнѣе, и часто новообразнѣе, отмѣннѣе, и сходятся во едино чрезЪ безконечныя раздробленія. ВосторгЪ глупой радости; безпокойство скупаго; шутовское лице влюбленнаго старика; смѣлость молодаго любовника; подозрѣніе ревниваго мужа; мщеніе обруганнаго совмѣстника; робость слабой души; глупое удивленіе; высокомѣрное презрѣніе; смѣшное самолюбіе, и толь многіе иные роды, суть неизмѣримая картина, на которой комическій АктерЪ долженствуетЪ

етъ расписывать всѣ страсти; и притомъ съ сею удивительною различностію противныхъ или благосклонныхъ обстоятельствъ коихъ вліяніе вдругъ знакомѣйшія страсти дѣлаетъ къ самимъ себѣ несходствующими. Если всѣ страсти, всѣ возможныя движенія человѣческаго сердца надлежатъ во область комическаго Актера; сколь не всеобщая должна быть его чувствительность? Сколь многіе роды впѣчатленіевъ, и чувствованіевъ, кои между собою кажутся спорющими, суть лишъ отголоски, многихъ прежде невиданныхъ!, рѣдкихъ, или обыкновенныхъ положеній? съ сею счасливою способностію все чувствовать, долженъ онъ изъ всего то совокуплять, чтобъ въ каждое мгновеніе ока онъ страсти оставлялъ, и опять восприимaлъ, или отъ неистовѣйшихъ къ спокойнѣйшимъ переходить; могъ;

безъ

безъ чего чувствительность есть несовершенна, и дѣйствіе недостаточно, сочинитель предписываетъ почасту очень скорыя перемѣны, или изящнѣйшій Актеръ долженъ самъ предварять его, и себя повергать изъ одной страсти въ другую, не токмо съ скоростію, но и съ симъ сходствіемъ, съ сею правдѣ подобною легкостію, какокыя едвали въ природѣ видимы, и кои только искуство можетъ учинить естественными (*).

(*) Когда Киноль Дюфренъ представлялъ Пирра, и пересказывалъ слова кои Андромаха обращаетъ къ сыну своему Астіанаску, принялъ онъ самой женской голосъ, говоря слѣдующія слова:

„Это Гекторъ, взгляни на его глаза, на его уста, и словомъ, на его отважность, это онъ самой. Ты это любез-

О перемѣнѣ.

Между старинными комедіантами Г. Леигъ славенъ, по перемѣнѣ своей игры, и по необыкновенной легкости, кою придавалъ онъ всему своему дѣйствію: перемѣны лица, голоса, вида, положенія, словомъ ничто

изъ

любезный супругъ. Дай мнѣ себя обнять.,,

Потомъ тотчасъ принялъ онъ мужской голосъ, и продолжалъ съ гордостію:

,, Но какая ея мысль? Неожидаетъ ли она нынѣ, чтобъ оставилъ я ей сына, въ пищу любви ея? нѣтъ нѣтъ, я клялся, мщеніе мое опредѣленное — и проч.

Сіе смѣлое, но естественное, и пріятностію подкрѣпляемое соединеніе, произвело прекраснѣйшее дѣйствіе каковое только возможно видѣть на театрѣ.

изъ всей его особы не сходствовало съ нимъ или съ тою особою кою онъ игралъ, въ различныхъ возмущеніяхъ. Его удивительныя перемѣны учинили то, что нѣкоторые знатоки того времени, кои можетъ меньше были просвѣщены нежели наши, сказали что сочинители всеобщаго единства Характеровъ неудержали, сбыться можетъ что толь многія перемѣны имѣли свои неминуемыя погрѣшности. Г. Гаррикъ соединяетъ великое искуство прехожденія со всякою вольностію, каковую могутъ вливать разумъ и живость въ переодѣяніи, лицѣ и взлядѣ знатной особы видимы бываетъ подъ платьемъ служителя; ибо дворининомъ не можно быть только въ половину. Благородный видъ самъ въ себѣ не такъ легокъ, какъ подумать можно. Славный Актеръ, часто при дворѣ бывающій, и коего глаза съ почтеніемъ устрем-

ляют-

ляются на знатныхъ людей, не научается не примѣтно оныхъ подражать, но лишь играть Роль нижней степени человѣка; и естьли иногда онъ приходитъ въ подозрѣніе, что онъ не имѣетъ всего достоинства, каковаго отъ него желать надлежитъ, то не должно искать къ тому причины кромѣ вышеписанной. Есть еще всеобщее основаніе о недостаткѣ благороднаго на Театрѣ. Комедіанты суть списыватели натуры, а сія по нещастію, что лежитъ до благороднаго, предлагаетъ намъ очень мало подлинниковъ но когда чрезъ силу воображенія возможно представлять тысячу вещей, коихъ произвесть не возможно то; можно представить и образецъ, коему подлинника ни гдѣ ненаходится. Таковымъ образомъ выражаемъ мы искусную Идею благороднаго и знаменитаго вида, и когда удивляются, что ма-

мало подобнаго видимо на театрахъ, тогда позабываютъ, что благородный видъ и ухватки знатнаго человѣка въ большемъ свѣтѣ еще рѣже суть.

Французскіе Комическіе Актеры въ своихъ переходахъ нашихъ смѣлѣе: но требуютъ, чтобъ симъ переходомъ учинить еще отважнѣйшее употребленіе; и въ самомъ дѣлѣ, Декораціи, Актеры, публика, все даетъ познавать національную живостъ и оныя разположенія духа. Францускій Актеръ, и скусный послѣдовать своимъ обрасцамъ, производитъ переходы еще быстрѣе нежели сочинитель, а партера еще быстрѣйшее даетъ ему одобреніе. Англичанинъ съ начала изумляется смостря на Французскаго Актера, а сіе вообще бываетъ въ разсужденіи столь же усильныхъ какъ и смѣлыхъ его переходовъ, но онъ привыкаетъ къ ихъ обыкновенію, и вскорѣ

по-

потомЪ начинаетЪ ему удивляться. Каковы ни быстры таковыя перемѣны, но Французскій АктерЪ выражаетЪ оныя, неумѣривая и сЪ равнодушіемЪ; сіе рѣдкое совокупленіе почасту причиняетЪ, что они кажутся естественнѣе; такЪ то умѣетЪ изящнѣйшій АктерЪ соединять вещи, кои самомалѣйшее имѣютЪ правдоподобіе: вЪ нынѣшнѣе время ихЪ величайшій АктерЪ изобильно содержитЪ вЪ себѣ сіе счастливое дарованіе, каковое можетЪ раздѣлять страсть отЪ страсти; хотя онЪ и ФранцузЪ, но кажется имѣть меньше дѣятельности, нежели нашЪ АктерЪ; онЪ остается спокоенЪ вЪ той же линіи; поджавЪ руки сЪ пріятностію. не трогая фигуры; наполняетЪ онЪ ТеатрЪ огнемЪ и перемѣною; и вЪ семЪ недвижимомЪ положеніи производитЪ всѣ перемѣны страстей, трогающія,

ющія, возбуждающія изумленіе и могущія чувствительное сердце подвигнуть къ сожаленію; ибо безпрестанно играть руками и членами, и бегать на театре изъ угла въ уголъ, есть искуство Англичанъ. Еслибъ угодно было нашимъ Актерамъ, несколько больше обратить примечанія на своихъ соседей, они могли бы поправиться. Но предложить имъ, имеющимъ излишество въ движеніи, чтобъ они взяли въ образецъ Французовъ, значитъ предаться опасности, показаться имъ смешнымъ: но тотъ, кто свою дочь учитъ танцованію, дабы показать ей какъ должно стоять прямо, не есть дуракъ (*). Некоторымъ Фран-

(*) Въ Комическомъ бываютъ некоторыя малыя обстоятельства, отъ коихъ слова получаютъ жаръ; тогда не должно выраженія столько жъ усили-

Французскимъ Актерамъ нѣтъ недостатка въ излишествахъ ихъ игры, но между тѣмъ что они въ страстяхъ имѣютъ естественнаго, происходитъ отъ

усиливать, какъ чувствительность. Французъ въ Лондонѣ долженствуетъ сказать слабо и не вкусно сіи слова, *ахъ, я отмщу себя*, даже противу всего города излишекъ жара приличенъ только для злодѣя. Тирады, или если угодно, начертанія въ человѣкѣ Свѣтскомъ въ Dehors Trompeurs, и великодушнаго въ его великодушіи требуютъ всей пріятности вида и рѣчей; но когда вызываютъ Доранта на дуель, обстоятельство увеличивается, и виды престаютъ; тутъ должно быть только достоинство. Если слѣдуетъ выступить на театръ дитятѣ, надлежитъ ему придать всѣ гибкости голоса, и всѣ возможные виды. Маленькая Луиза въ мнимомъ больномъ играетъ очень изрядно; но тѣмъ причиняетъ смѣхъ, а увеселяетъ меньше.

выраженія вЪ лицѢ и звонѢ голоса, а не отЪ усильности видовЪ, кои насЪ столько обворажаютЪ; вЪ томЪ какЪ стараются они, на своихЪ блѢдныхЪ щекахЪ изображенную скорьбь, любовь вЪ своихЪ глазахЪ, и ярость на лбу оказать, не пѢкутся они выражать страсти принужденными движеніями. Правда, вЪ нуждѢ не можетЪ быть лучше для нашихЪ АктеровЪ, какЪ сильную или нѢжную страсть повредить чрезмѢрною дѢятельностію, хотя безпрестанная игра рукЪ сЪ видомЪ тѢла, живостью и пріятностью взглядовЪ никаковаго сообщенія не имѢетЪ; чрезЪ всѢ сіи пріятности, и игру лица выражаетЪ Французскій АктерЪ, который насЪ вообще превосходитЪ, счасливѢйшія перемѢны.

Чувствительность есть основаніе всѢхЪ сихЪ перемѢнЪ. ТотЪ который не много страстей

вдругЪ

вдругъ чувствуетъ, не можетъ въ надлежащее время переходить изъ одной въ другую. Сіи толь различныя, и въ комедіи толь многочисленныя перемѣны, дѣлаютъ всеобщую чувствительность для комедіанта необходимою. Чрезъ выраженіе чувствительности, можно также разумѣть только расположеніе къ нѣжности въ Меланхолическихъ страстяхъ; но оная ко всему удобно употребительна. И такъ Комическая чувствительность простирается больше, а Трачическая живѣе и сильнѣе бросается въ глаза; первая обезпокоивается тысячью различныхъ страстей, а другая чувствуетъ оныхъ меньше, дабы ощущать оныя сильнѣе, величайшія дѣйствія суть только отголоски сея чувствительности, она на конецъ имѣетъ содержаніе къ различнымъ Характерамъ сего и другаго рода. Комическій

Актеръ, когда предается всѣмъ порокамъ и всѣмъ добродѣтелямъ, то онъ ощущаетъ ихъ, какъ обыкновенный человѣкъ; Трагическій же Актеръ, ограниченный въ страстяхъ, долженъ чувствовать оныя какъ Ирой; повсегда ведущійся къ великому, находитъ онъ въ своемъ дѣйствіи почти не преодолимыя препятствія, но по меньшей мѣрѣ предъ противу положеннымъ родомъ, имѣетъ онъ сію слабую выгоду, что намъ почти столькожъ трудно заключать, въ которомъ пунктѣ посредстен ность или совершенство его талантовъ ограничивается. Комедіантъ представляетъ только общую жизнь, и чтобъ знать, видѣлъ ли онъ довольно природу, довольно когда мы вспомнимъ о Характерахъ, кои сходствуютъ съ нашими. Въ Трагической Сферѣ предмѣты столь возвышены, что они кажуться быть

много больше нашего не посредственнаго свѣденія. Актеръ можетъ самъ себя обманывать и намъ представлять пустой шумъ или картину безъ красокъ, кою большая часть зрителей приметъ за цвѣты Титіановы.

Посмотримъ какъ сія Театральная чувствительность можетъ быть сравнена съ нѣкоторыми нечувствительными женщинами, кои имѣютъ искуство, сдѣлать чтобъ ихъ любили. Когда, на примѣръ, Комедіантка можетъ представить въ общей жизни, что она любитъ мущину то для чего не показать ей сію же чувствительность и на Театрѣ? Я знаю, что многія женщины въ свѣтѣ не инако поступаютъ: отъ чего жъ произходитъ, что сія Актриса которая безпристрастнаго зрителя обмануть не можетъ, и находитъ столь много простяковъ, кои не рѣдко жизнью и счастіемъ ей

жертвуютъ! сіе происходитъ отъ того, что зрители безпристрастны. Щедрый, обыкновенный, не очень тонкій въ любви, увѣряется однимъ видомъ, и слабыми клятвами что его любятъ: зритель не заботится о томъ чтобъ его любили, онъ плотитъ за то, чтобъ только казались любви достойными, и жалуется по праву на таковую чувствительность, коя понапрасну у него деньги отнимаетъ. Влюбленный кажется желаетъ быть обманутъ, простосердечнымъ звономъ, всею вѣроятностію дѣйствительныхъ вещей; ибо онъ впрочемъ владѣетъ полнымъ своимъ разумомъ, и недозволяетъ своему сердцу, тронуться отъ не побѣдимыхъ чертъ природы.

О средствахъ природную чувствительность учинить совершеннѣе.

Искуство не можетъ дарованія ни производить ни добавлять, только чрезъ взаимное обоихъ согласіе пробуждается природа со всѣми своими прелѣстьми, и приводитъ разумнаго и чувствительнаго Актера къ сему столь рѣдкому степени совершенства, составляющаго удовольствіе людей имѣющихъ вкусъ. Искуство учиняетъ не только разумъ, но и самую чуствительность совершеннѣе; повсегда всеобщую въ великихъ комедіантахъ, и повсегда превышающуюся въ изящнѣйшихъ Трагическихъ Актерахъ. Въ первыхъ, оная находится вдругъ безконечно различна, естественна, и легка и требуетъ только нѣсколькаго существеннаго основанія, къ достиженію совершен-

ства. Характеры жъ Трагическихъ Актеровъ свыше обыкновенной природы, до страшныхъ и варварскихъ страстей, придаютъ Ироическій видъ. Можно разумѣть, сколь много надлежитъ его чувствительности быть по правиламъ, чтобъ поддержать сію высоту, умножить оную пріятностію въ благородныхъ и великодушныхъ чувствованіяхъ, и сколько онъ и малѣйшія излишества долженъ удерживать, опасаясь чтобъ вся чувствительность въ раздѣленіи своемъ неослабла. Хорошіе Актеры владычествуютъ между дерзостію и легкомысліемъ настоящимъ выраженіемъ, которое ни посредственно ни излишно, а велико есть: путь сей суровъ, трудно различить тѣни весьма между собою сходныя, и тѣ которыя очень различныхъ родовъ: простое движеніе, единый только звонъ голоса производятъ

дятъ величие или излишество. Здѣсь Момусъ скрытъ позади Юпитера; благоупотребленная чувствительность подаетъ обстоятельства къ пріятности и достоинству, гдѣ сверхмѣрность самое важное учинитъ посмѣшищемъ. Вообще сила чувствительности не вдругъ должна исполняться, надлежитъ оную учреждать по послѣдству рѣчи, завязкамъ и развязкамъ Піесы: не много потребно духа, для игранія въ маленькую флейту; и Архитекторъ желающій чтобъ Фронтсписъ былъ въ десятеро дороже всего строенія, неблагоразуменъ. Актеры кои поставляютъ себѣ въ заслугу единую чувстительность, состоитъ въ опасности меньше оныя имѣть, когда чувствительность сочинителя будетъ слабѣе ихъ выраженія; ибо легко расположенная чувствительность нерѣдко бываетъ Характеричною; и очень про-

противочувственно, придавать больше огня и распространенія, нежели какъ требуетъ обстоятельство. И такъ надобно знать различіе, до котораго пункта естественно будетъ имѣть чувствительность; безъ сего счасливѣйшая чувствительность, въ ненадлежащемъ употребленная мѣстѣ, будетъ только не естественное и принужденное подражаніе, мы разсердимся вмѣсто чтобъ тронуться. Собраніе публики судитъ истинно; она нехочетъ чтобъ Актеръ имѣлъ величайшую душу предъ сочинителемъ, и больше разума нежели всѣ прочіе человѣки, въ семъ не былобъ правдоподобія.

Трагегія изобилуетъ великими Идѣями больше нежели въ одномъ родѣ. Есть больше нежели одно средство, сіи Идѣи одѣять во всю пышность выраженія, такъ чтобъ Актеру оное не стоило ни слезъ, ни вздоха: описанія,

нія, разказыванія, фигуры слога требуютъ только впечатлѣнія доброзвучнаго выговора, иногда разумъ, воображеніе и вкусъ Актера могутъ производить игру свою, чувствованіе почти никогда, а страсти совсѣмъ никогда. Господинъ Валкеръ имѣлъ крайнѣйшую чувствительность всегда готовую оказаться; кровь вступала у него въ лице, почти преждевремянно, вся его особа; всѣ его дѣйствія казались смятенны; зрители, видящіе Піесу только впервые, ни когда не могли понять, отъ чего Актеръ въ толь жалостномъ состояніи; изъ сего видимо, что на Театрѣ великія погрѣшности могутъ происходить изъ тѣхъ же источниковъ, изъ которыхъ великія красоты истѣкаютъ. И такъ Актеръ долженъ съ великою чувствительностію на свѣтъ происходить; великое упражненіе въ его искуствѣ, можетъ

учи-

учинить его совершенно чувствительнымЪ, и взводить его сЪ разсужденіемЪ на всѢ стези сердца, вЪ коемЪ всѢ страсти сокрываются; онЪ развертываетЪ оныя искусно, даетЪ каждой изЪ нихЪ звонЪ природы, и очаровываетЪ насЪ сими пріятными и приличными выраженіями, которыхЪ почасту недостаетЪ и самой дѢйствительности. Но какЪ всѢ степени страстей различить можно? Безконечные союзы чувствительности, подобно какЪ смѢси тѢней вЪ картинѢ, нерѢдко не находятЪ довольно словЪ вЪ нарѢчіи, чтобЪ ихЪ наименовать. Дабы познать, вЪ которомЪ мѢстѢ, и вЪ которомЪ степени должно заставлять чувствительность дѢйствовать, надлежитЪ вЪ самомЪ началѢ согласиться о высочайшей страстей различности. Во очахЪ множественной толпы всѢ страсти кажутся равно какЪ бы кЪ

оди-

одинакой чувствительности способныя, и всѣ равномочны. Разсматривающіе природу просвѣщеннѣйшими очами, находятъ нѣкоторые возвышеннѣйшіе Характеры, въ коихъ страсти не всегда господствуютъ. Ни какой предмѣтъ не есть великъ, когда истинное величіе состоитъ въ томъ, чтобъ оный презирать. Трагическій Актеръ, коего душа естественно должна быть возвышенна, въ то мгновеніе ока, кое кажется умодвижительнымъ, но не есть таково въ самомъ дѣлѣ, покажется не чувствительнымъ: его не прельститъ и подражаніе, когда онъ увидитъ что въ сей же Ролѣ другой Актеръ привлекаетъ себѣ скорую похвалу за непристойно употребленную чувствительность, въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ простой человѣкъ будетъ естественно разгнѣванъ, а Ирой нѣтъ. Зритель, и самой раз-

разумнѣйшій, можетъ удоволь-ствоваться правдоподобною чув-ствительностію; онъ изумится и восхитится тѣмъ, что Ак-теръ несочтетъ себя достой-нымъ, умягчится въ таковомъ мѣстѣ, гдѣ сильная чувствитель-ность не будетъ какъ только слабое и обыкновенное движеніе: и такъ есть мгновенія, въ кото-рыхъ сей родъ презрѣнія вмѣс-то нѣжности постановленный будетъ столькожъ возвышен-нымъ движеніемъ, какъ и все-возможная чувствительность.

Равно какъ есть мгновенія, въ кои должно отъ сей чувсти-тельности удерживаться, такъ бываютъ и такія, въ которыхъ должно давать ей свободу. Вол-нующаяся скорбь свойственна только нискимъ душамъ. Почти ни какой страсти непозволяютъ гласъ скорби вносить на Театръ въ крайней чрезмѣрности. мно-гіе зрители излишнія жалобы пріем-

пріемлютЪ за крайнюю чувствительность, а бѢшеный шумЪ за великій гнѢвЪ. По доброй ФизикѢ, звоны и поверхности вещей равно обманчивы, наши ученые вЪ томЪ необманываются: истинные судители Театра желаютЪ, чтобЪ скорбь и достоинство чувствительности были внутренни; часто для нихЪ и легкаго выраженія довольно, они мѢряютЪ, такЪ сказать, высоту Исполина по длинѢ его ноги, естьли меньшая часть велика, то прочія содержанія вещи соразмѢрны; они довольно видятЪ что АктерЪ можетЪ быть чувствительнее, когда ему должно быть таковымЪ. Когда Ромей узнаетЪ о смерти Юлиты, тогда ШакеспирЪ, довольно свѢдущій, чего желаетЪ сердце, и что оно претерпѢвать должно, влагаетЪ Ромею следующій стихЪ во уста:

„Теперь, о судьба, могу я пренебрегать тебя! АктерЪ

безъ сумнѣнія долженъ сей разумной бережливости сочинителя въ разсужденіи сихъ словъ подражать, когда онъ ихъ произноситъ; скорбь его велика, чтобъ удобно было соединять со оною длинный и огромный восторгъ. Мы читаемъ страшнѣйшее отчаяніе въ перемѣняющемся лицѣ, его дичеющихъ глазахъ, его мертвеющемъ цвѣтѣ, и звукѣ угасающаго гососа; онъ пренебрегаетъ самымъ небомъ, и сіи угрозы несостоятъ въ вытье, въ противномъ же случаѣ, онъ умножаетъ силу ослабляя выраженіе, онъ готовъ умереть, превосходя смерть и отчаяніе, кои слабы потрясти его духомъ онъ весь ужасъ, который кажется себѣ запрещаетъ, распространяетъ по нашимъ душамъ. Ромей изображенъ великодушнымъ и нѣжнымъ, временемъ горячимъ, но только по случаямъ, составляющимъ отголоски

его

его добродѣтелей, иногда близокъ пасть подъ бремянемъ страстей своихъ, но всегда ихъ побѣдитель: въ семъ то есть великое искуство сочинителя, камень претыканія посредственныхъ писателей, и торжество изящнѣйшихъ Актеровъ. Всѣ, кои его во дни наши представляли, казались мнѣ въ достоинствѣ Характера обманывающимися, а особливо, когда Ромей готовясь выпить ядъ и упасть во гробъ своей супруги, тако изъясняется:

„Здѣсь наслаждусь я вѣч-
„нымъ покоемъ, и свергну иго
„немилосердой судьбы, когда
„я мою наскучившую жизнью
„душу, освобожду отъ сего
„несчастнаго тѣла.

Намѣреніе сочинителево было не то, чтобъ сіе чувствованіе одѣять въ жестокость, которая въ самомъ дѣлѣ доказываетъ ужасъ къ смерти. Чело-

вѣкъ, готовящїйся ядъ принять, долженъ ощущать себя въ великомъ движенїи; но чѣмъ величественнѣе Характеръ, чѣмъ глубъ же пѣчаль, тѣмъ меньше оказывается оная примѣтною; я хотя господа Гаррикъ или Барри натуральнымъ образомъ долженствовали перемѣнить обстоятельство, чтобъ Ромей ядъ принялъ у себя въ домѣ, однакожъ ему сего сдѣлать неслѣдовало. Сїе есть одно изъ сильнѣйшихъ положенїй, въ коемъ опредѣлительная сила должна удерживать и умѣрять чувствительность. Въ величайшемъ несчастїи особливому Характеру Ироя, надлежитъ придавать всю свойственную ему неустрашимость: тогда то зрители поражаются, привлекаются, и приводятся во изумленїе.

О занятой чувствительности.

Какъ природная чувствительность въ ненадлежащемъ мѣстѣ бываетъ недостаточна, то Актеръ ничего нечувствующій, занимаетъ тогда чувствительность другаго. Онъ старается безплодно ему подражать, онъ мучитъ, онъ исчерпываетъ, онъ удушаетъ Комедіанта, чтобъ оживить лице, которое онъ представляетъ. Онъ располагаетъ дѣйствіе, по голосу, рѣчи и виду; чаетъ похищать небесный огнь, но есть только холодный Пародистъ, и многіе зрители пріемлютъ обезьяну за человѣка: но въ негодованіе приведенный знатокъ, нападаетъ на рабское стадо сихъ подражатей, и ударами своего осмѣянія повергаетъ скотовъ къ ногамъ ихъ образца. Единая трогающая черта сдѣланная по

натурѣ, восхищаетъ насъ, поставляетъ насъ на мѣсто сочинителя, Актера и представляемаго лица: ужѐ то становится не воображенiемъ, но всею нашею душею, которая то представляетъ, чему и плодирують; Ирои пресѣляются въ насъ самихъ, наши скорби, наши удовольствiя принуждаютъ насъ воздыхать, мы чаемъ быть точно тѣмъ, чему удивляемся. Но презрѣнное искуство подражать на Театрѣ, для Актера есть несчастное дарованiе копировать копiи. Первое можетъ быть тогда только совершенно, когда натура будетъ единымъ его водителемъ; другая жъ за всегда не извѣстна и темна, представитъ только ослабленныя и обезображенныя черты противу подлинника. Кои когда наибольше приближаются къ своему образцу, тогда не натурально принужденное учиняютъ

лишъ

лишъ явственнее. Комедіанты должны завсегда имѣть въ душѣ своей, сей прекрасный стихъ господина Волтера:

Нѣтъ, мы никому не подражаемъ, и служимъ всѣмъ въ примѣръ. Обычай подражать другому Актеру, есть презрѣнный трудъ дровосѣка, въ коемъ природа не имѣетъ участія. Когда Актеръ ни чего не чувствуетъ, то какъ онъ ни притворяйся, мы однако увидимъ, что онъ ничего не чувствуетъ; и между тѣмъ какъ нѣкоторые ему бьютъ въ ладони — ибо у насъ больше худыхъ судителей, нежели худыхъ Комедіантовъ — тысяча чековѣкъ есть кои нечувствительны ко всѣмъ его таковымъ стараніямъ, кои покрѣпляются красотою сочиненія и Театральнымъ заблужденіемъ, что доказываетъ, сколь ложна и возмутительна его мнимая чув-

ствительность. Естьли она справедлива, то тотчасъ трогаетъ; прелѣстей ея нельзя убѣгнуть, она увлекаетъ съ собою всѣ сердца и всѣ голоса; наши усмотрѣнія намъ безполезны. Дабы оную узнать, довольно живаго впечатлѣнія, кое она въ насъ производитъ, и столь много собранныхъ людей, коихъ вкусъ, свойства и мысли такъ различны, каковы невѣжа, глупый и мудрый, естьли будутъ вдругъ поражены, то вѣроятнымъ образомъ обманываются не гласомъ природы.

Естьли чувствительность такъ же не можетъ пріобрѣтаться, какъ и сила опредѣлительная; то изъ того не слѣдуетъ, чтобъ не можно было ихъ учинить совершеннее. Должно родиться сочинителемъ, но со всѣмъ тѣмъ безъ великаго искуства и труда, ни одного добраго стиха не сдѣлаешъ, раз-

разумЪ, духЪ, чувствительность, все требуетЪ выправленія. ЧрезЪ науку и разсужденія умножается, расширяется и дополняется природная чувствительность, какова бы слаба оная ни была: естьли оная по себѢ чрезмѢрна, что не рѢдко случается, то вводится оная опять вЪ предѢлы природы и разума, безЪ чего ея собственное *излишество* ея уничтожаетЪ. АктерЪ находится вЪ состояніи, вЪ которомЪ иногда оной ему со всѢмЪ недостаетЪ; и понеже его сердце преисполненно, то наше остается пусто. бѢдную, ползающую чувствительность, должно учинить благородною. НадлежитЪ благовремянно привыкать мыслить благородно, и душу свою наполнять великодушными намѢреніями. Честный человѢкЪ можетЪ представлять злодѢя, тонкомыслящій мужика и слу-

гу, естьли только дойдетъ до того, чтобъ себя противу самого себя унизить, и не трудно такъ притвориться. Но для добродѣтелей, чтобъ начертать гордость Ироя, не можно почти дать себѣ довольно высокости, должно почти превзойтить человѣческую природу, и всѣ помочныя средства искуства суть очень слабы въ Актерѣ, который съ природою своею неизноситъ сѣмянъ къ нѣкоторымъ добродѣтелямъ. Кромѣ величія мыслей и силы чувствительностей, Трагическая Роль и еще къ нѣкоторому достоинству способна, коимъ она обязана только истинной чувствительности, и которому доброй души лишенный Актеръ не умѣетъ дать истинной благопристойности. Сіе есть не дарованіе пріятностей, ни обыкновенная призлекательность тѣла. Чтожъ такое? Благородно мы-

мыслитъ. Обыкновенное чтенiе лучшихъ Ироическихъ повѣстей, можетъ чувствительность Актера поддерживать и укрѣплять, что безсумнѣнiя производитъ оно и въ сочинителѣ. Нѣтъ ни чего, что читаемое не точно таково, какъ бываемое въ Ролѣ, дѣло вообще состоитъ въ томъ, чтобъ познать всѣ источники возвышеннаго, и навыкнуть къ чувствительности. Тогда Актеръ увидитъ душу свою увеличивающееся, и чрезъ тысячу добродѣтельныхъ чувствъ распространяющееюся, кои ему прежде были несвѣдомы. Онъ при семъ чтенiи испытаетъ свой голосъ, его звоны и свою игру; когда его рѣчи сдѣлаются ему обыкновенны и исправны, то все почтечетъ безъ труда, онъ будетъ умѣть извергать то что низко, онъ печаль сдѣлаетъ Ироичною, а радость величествен-

ственною, его глаза, его лице, его вся особа, кои учреждаются по различнымЪ перемѢнамЪ чувствительности, воспріимутЪ выразителные и новые образцы; онЪ приведетЪ публику во изумленіе, что есть благороднѢйшее изЪ всѢхЪ средствЪ нравиться.

Когда ученіе не довольно раскроетЪ искуство природы, то АктерЪ не примѢтитЪ почти не видимой разности нѢкоторыхЪ страстей; онЪ не будетЪ имѢть рода нѢжности, гнѢва и прочаго; не очень разнствующіе Характеры, будутЪ ему казаться одинаковыми. Крайняя чувствителность можетЪ по обстоятельствамЪ обращаться вЪ подлость, или доходить до неразумія; писатели иногда впадаютЪ вЪ сіе, и слѢпливаютЪ ИроевЪ, кои бываютЪ больше гадки нежели несчастливы, больше презрѢнія нежели сожаленія достойны. Тонкій чувстви-

ствительный Актерѣ можетѣ умѣть возвыситься до сильнѣйшаго выраженія, не превосходя природы, вѣ томѣ какѣ оныхѣ нѣсколько увеличиваетѣ: почти потерянная заслуга для простой толпы зрителей: но великодушный Артистѣ взираетѣ только на славу своего искуства, и голосѣ малаго числа просвѣщенныхѣ. Сія глубокая чувствительность сберегаемая для большихѣ случаевѣ, должна находиться безѣ примѣси и неповреждая главнаго Характера, которой всѣ прочія приводитѣ вѣ движеніе (*). Доброе нравоученіе,

(*) Сѣ другой стороны разумный Актерѣ при разныхѣ страстяхѣ, кои по порядку своему человѣка мучатѣ, не будетѣ вѣ недоумѣніи. На примѣрѣ скупой вскорѣ бы учинился разбойникомѣ, убійцею, коего укротить не возможно; но оный при томѣ

ченіе, которое повсегда есть немножко Философическое, отвергаетъ впечатленіе чувствъ; оно научаетъ человѣка презирать скорби и бѣдность. И такъ Ийройство для слабой корысти не должно унижаться, ни обыкновенными случаями оскорбляться. Есть несчастіи, къ коимъ человѣкъ долженъ быть чувствителенъ, однако столько какъ предписываетъ добродѣтель. Возвыситься надъ всѣми про-

---

томъ честолюбивъ, разуменъ, чувствителенъ къ любви, сіи его склонности будутъ сражаться, и изъ сего сраженія произойдетъ нѣкоторое равновѣсіе, при чемъ душа его съ досадою будетъ трудиться въ пользу человѣчества. И такъ искусный Актеръ въ сіе мгновеніе ока не можетъ дать довольно силы главному Характеру, что бы сіи побочныя страсти, отъ коихъ онъ приведенъ въ движеніе, побѣдить.

противностьми, слѣдуетъ быть выше нежели человѣку; а столько унизиться, чтобъ ничего не чувствовать, былабы глупость; слезы иногда имѣютъ пріятность, но они повсегда суть слабость; достоинство великой души удерживаетъ ихъ теченіе.

Въ простой жизни, съ своею женою, между своими дѣтьми; въ свѣтѣ, долженъ Комедіантъ начинать великое дѣло чувствительности. Когда онъ не привыкъ благородно мыслить, себя чувствовать, въ себѣ, въ своихъ пріятеляхъ, если онъ и въ малѣйшемъ поведеніи не есть рачительный наблюдать благопристойности, коя есть душа общества, и союзъ всѣхъ добродѣтелей; когда онъ свое сердце не очиститъ отъ тысячи маленькихъ страстей, кои честнаго и разсуждающаго человѣка недостойны; то будутъ оныя безпрестанно прилипать

къ его талантамъ и къ его Роли, и театральному Характеру придадутъ всѣ личныя черты поврежденнаго Комедіанта. Вообще бываютъ Актрисы, кои слабѣе и больше опасностямъ подвержены, и чаще склонны духъ своей Роли портить. Ничего больше не потребно, кромѣ развращеннаго свойства сихъ маленькихъ господъ, кои дѣлаютъ трудъ Кулисамъ, чтобъ лицу Андромахи придать столькожъ веселости, сколько оному нужно имѣть пѣчали. — И такъ должно вносить на театръ ту вольность духа, коя даетъ счасливѣйшій полетъ страстямъ.

О огнѣ страстей.

Равно какъ можно быть съ великимъ разумомъ и не имѣть чувствительности, такъ можно быть очень разумну и чувствительну, не имѣя той живости духа, кою выразительнѣйшимъ словомъ называютъ огонь. Многіе люди, холодной натуры разумѣютъ что читаютъ, но не имѣютъ того, чѣмъ бы то ихъ тронуло. На театрѣ чувствительный Актеръ безъ разсужденія, уподобляется нѣкоторымъ женщинамъ, коихъ вдругъ видятъ и смѣющихся и плачущихъ. Бываютъ нѣкіе Актеры, кои дѣйствительно тѣмъ трогаются, что говорятъ, но которые несчастнымъ расположеніемъ къ холодности, не сообщаютъ сей чувствительности въ свою душу; они довольно имѣютъ разума чтобъ оное понимать, и стараются о томъ,

но тщетно; вмѢсто естественной горячности, являютЪ они глазамЪ нашимЪ лишЪ огонь притворный. Другіе, сЪ меньшею чесностію удерживаютЪ себя отЪ сей заботы, поносятЪ оную, и поставляютЪ вЪ заслугу быть отЪ природы холодными. Они прогуливаются цѢлый годЪ подЪ безлистными дрѢвесами, вЪ покрытомЪ снѢгомЪ КлиматѢ. Между тѢмЪ видимы кроткіе и спокойные люди коихЪ ХарактерЪ хладокровенЪ, но сія холодная кровь не есть холодЪ; оную не должно за одно смѢшивать. ДухЪ сочинителя почти совсѢмЪ замкнутЪ вЪ силѢ словЪ, а духЪ Трагическаго Актера вЪ видѢ, взглядахЪ, игрѢ лица, звона души, и наклоненіяхЪ тѢла, словомЪ сказать, вЪ всеобщемЪ выраженіи. Когда онЪ восходитЪ на священный треножникЪ, произноситЪ тогда не свои собственныя, но

Апо-

Аполиновы изрѣченія. Онъ пылаетъ тысячью страстей; онъ выступаетъ въ величествѣ Монарха; высочество обитаетъ на его челѣ, и показываетъ Государя больше, нежели оный въ существѣ есть. Въ Сектѣ холодныхъ комедіантовъ находятся нѣкоторые, кои довольно бываютъ искусны, по видимому признаться, что живость наполненная огнемъ есть великій талантъ, но что будто бы легко имѣть оной въ излишествѣ; они всегда готовы обвинить оную нѣкоторыми погрѣшностьми, кои въ родѣ ея не разлучимы. Не вопрошаютъ, какъ они предпоставляютъ, въ которомъ положеніи Актеръ излишно огня имѣетъ; но только можетъ ли онъ онаго имѣть слишкомъ; однако отвѣтствуютъ, что Г. Гаррикъ имѣетъ онаго больше, нежели каковой либо комедіантъ имѣлъ когда нибудь; почти ни

когда непомышляли, что онѣ его имѣетѣ много и извѣстно что есть множество обстоятельствѣ и Характеровѣ, гдѣ огонь и пылкость не можетѣ излишествоватъ. Искуснѣйшій нежели Прометей разумный и чувствительный Актерѣ вѣ томѣ какѣ похищаетѣ небесный огнь, не возжигаетѣ онымѣ Терзита, но Ахилла.

Вѣ природѣ не находится, ни самыхѣ важныхѣ Характеровѣ, кои не испускалибѣ изѣ себя нѣсколькихѣ искрѣ живости театрѣ не есть школа Философическая, онѣ имѣетѣ дѣло только сѣ страстьми, кои почти завсегда сильны, твердый Катонѣ разгорячается, дѣлая укореніе своимѣ воинамѣ.

„Кто изѣ насѣ вѣ войскѣ желаетѣ быть послѣднимѣ, утолить жажду?

Вѣ Философѣ Тамерланѣ видима открывающаяся ярость

но

но онѣ скрываетѣ ее, яко нѣ что Царю неприличное и очень великаго требуетѣ искуства вѣ Актерѣ показать намѣ.

„Страшное сѣмя гнѣва, гнѣздящагося вѣ его сердцѣ.

Не дозволяя оному воспылать. И такѣ не можно ни какова великаго Характера представить, чтобѣ не имѣть нѣкоторой *открывающейся* или *раздѣленной горячести.* Разумный Сочинитель не можетѣ имѣть вѣ воображенiи лице, кѣ коему бы страсти не прикасались, и сами тѣ которыя кротчайшими кажутся, естьли будутѣ взволнованы, подаютѣ Актеру наполненному огня, лучшiй случай, блѣснуть своимѣ искуствомѣ и своимѣ дарованiемѣ. Бываетѣ гнѣвѣ безѣ жестокости равно какѣ пышность безѣ достоинства. Мы слыхали говоренныя сѣ Философическою холодстiю слѣдующiя слова.

On sauteroit aisement a la face de la lune pour obscursir sa gentile lumiere.

Другой Актеръ сіижъ слова произнесъ вытьемъ но оба они достойны освистанія. Стихи сіи безсумнѣнія требуютъ, чтобъ произнесть оныя съ движеніемъ, но и все тутъ, дикій же взглядъ ревущій голосъ, не лучше выражаютъ настоящій жаръ, какъ холодная глупость не можетъ оказать истинной умѣренности. Когда разумъ и чувствительность Актера умѣютъ управлять его природнымъ огнемъ то не можетъ онъ сего имѣть въ излишествѣ; онъ долженъ, вмѣсто чтобъ оный удерживать дозволять ему сіе возвышеніе, которое насъ съ нимъ восхищаетъ, насъ изумляетъ, и насъ больше трогаетъ нежели его всѣ прочія дарованія. Актриса крѣпко придерживающаяся благопристойности своего пола, не можетъ

жетъ слишкомъ блистать въ своемъ искуствѣ.

Дабы познать, возможноли Актеру имѣть огня въ излишествѣ, должно напередъ вѣдать, въ чемъ сей огнь существенно состоитъ. Мы довольно видѣли, въ чемъ онъ не есть, посмотримъ же, въ чемъ онъ есть: въ отзывкѣ смѣлаго духа, необыкновенной живости воображенія, быстрости чувствительности, изобиліи въ Идѣяхъ, которыя между тѣмъ не имѣютъ никаковаго необходимаго содержанія на тотъ шумъ и то волнованіе, кое многіе люди пріемлютъ за жаръ божественный. Многіе Актеры употребляютъ великія напряженія лица, произношеніе холодныхъ до небесъ разливающихся восклицаній; они имѣютъ мало огня говорятъ друзья ихъ нѣтъ, развѣ мало разсудка, имъ недостаетъ огня и живости, въ самомъ оказываемомъ ими

гнѣвѣ. Сіе пристрастіе уподобляется громадѣ ни къ чему годныхъ сочиненій, въ коихъ находятъ много остраго, а знатоки сего невидятъ. Тотчасъ можно увидѣть. сколькимъ Актерамъ недостаетъ огня, естьли вспомнить о нѣкоторыхъ піесахъ, коихъ чтеніе насъ воспламѣняетъ, и кои толь холодными показываются на театрѣ. Сочинитель, дающій своему Пасквину просвѣщенный духъ, своей комнатной дѣвкѣ тончайшія чувствованія, и влагающія хорошій мадригалъ во уста жестокому любовнику, дѣлаетъ то подобно Актеру, которой неоснователенъ въ страсти. Когда нескладное въ одномъ, и волнующееся въ другомъ не есть разумъ ни жаръ, то огнь дѣйствія есть примѣтная благосклонность природы.

Публика вообще восхищающаяся, великими дѣйствіями есте-

естественнаго одушевленія, желаетЪ, чтобЪ сей огонь вносить всюду. Посредственные Актеры тѣмЪ обманываются, и незаботясь о семЪ великомЪ искуствѣ возвышаться постепенно, появляются сЪ начала до конца вЪ равной страсти. Когда одну часть дѣйствія ослабляютЪ, чтобЪ другой придать больше крѣпости, требуемой мыслью представленія, *то видимЪ* мы лицы себя перемѣняющія, безЪ перемѣны положенія, и мы остаемся вЪ неудовольствіи, видя ХарактерЪ совсѣмЪ инако оканчивающійся, нежели оный начался. На конецЪ, можно имѣть и чуствительность, не имѣя хорошаго огня, который кажется происходящимЪ отЪ дарованія; но таковая чувствительность не откроется, и будетЪ такЪ сказать, ни цвѣтЪ, ни истинна, и безЪ пріятности, естьли оная невозвысится, неподкрѣпится симЪ

 рази-

разительнымъ жаромъ, который есть душа дарованія и слова великаго Артиста. Иногда Актеру надлежитъ съ своею живостію смѣшивать нѣсколько по больше чувствительности, когда оная на примѣръ наклоняется къ родительской или дѣтской нѣжности, и проч. и такъ есть то не изобиліе добраго свойства, но погрѣшность въ мѣрѣ между живостію и нѣжностію, чѣмъ оный укоряютъ. Большей части Актеровъ слабость, состоитъ въ *томъ* чтобъ предаваться господствующему Характеру комедіантовъ. Драгоцѣннѣйшее дарованіе Актера есть, быть всеобщимъ, мало людей имѣющихъ причину тѣмъ льстить себѣ: другимъ же должно оставаться *довольными* чтобъ отличаться только въ нѣкоторыхъ роляхъ, и въ нихъ пріобрѣтать похвалу. Не прежде, развѣ когда хорошій огонь, съ дарованіемъ

емъ дѣйствительно быть чувствительну, сходствуетъ и соединиться, бываютъ оба сіи свойства совершенны. Господинъ Гаррикъ, есть можетъ быть главнѣйшіи изъ бросающихся въ глаза примѣровъ, каковыя только являлись на театрахъ, сего толь рѣдкаго, и желанія достойнаго соединенія.

Нынѣшнія комедіи представляютъ Характеры исполненные огня; сочинители некладутъ въ лицы ни силы опредѣлительной ни чувствительности; они такъ пишутъ, какъ бы были увѣрены чрезъ правила:

„Что дуракъ есть вещество, изъ коего небо созидаетъ Ироя.„

Посредственный Актеръ долженствуетъ въ сихъ Роляхъ еще менѣе быть счасливъ, какъ то и нелегко оныя хорошо сыиграть. Великая и отличная душа неможетъ допустить въ себя гнѣвъ, про-

противу людей достойныхЪ презрѣнія. Но когда тотЪ, который насилуемый толпою преступниковЪ, предЪ несправедливымЪ сенатомЪ вЪ гнѣвЪ приходитЪ, то удивляемся мы его жару: каждый чувствительный зритель, коего сердце имѣетЪ нѣкоторую гордость, желаютЪ чтобЪ сей человѣкЪ могЪ быть невиненЪ, дабы доказалЪ свое благородное негодованіе.

О фигурѣ.

Когда всѣ свойства чистой души и возвышеннаго духа суть необлодимая участь таковыхъ Актеровъ, кои предназначены играть Ироическія лица и первыя Роли; по сему оныя еще меньше могутъ обойтиться, безъ наружныхъ дарованіи, и привлекательной и пріятной Фигуры. Но съ нижними Ролями совсѣмъ другое. Неправильныя и самыя странныя фигуры, не токмо онымъ не мѣшаютъ. но часто и полезны бываютъ, Какъ на примѣръ сухощавая особа очень къ стати для Роли малаго Аврама и Рыцаря Андрея съ лихорадочнымъ лицемъ. Равномѣрное обстоятельство со всѣми вздорными театральными лицами, гдѣ прямо безобразный Комедіантъ, вмѣсто чтобъ жаловаться на натуру, имѣетъ причину благодарить ее за ее своенравіе.

Каждая

Каждая съ несовершенствами фигура не ограничивается только въ предѣлахъ нижнихъ Характеровъ. Мы въ нынѣшнее время можетъ быть не имѣемъ ни одного Актера въ важныхъ Роляхъ, который бы недостатки своего корпуса умѣлъ обращать въ свою выгоду; но между славнѣйшими Актерами послѣднихъ временъ, Сандфортъ показалъ намъ, что сіе иногда быть можетъ. Онъ имѣлъ въ высочайшемъ степенѣ все, что природа когда либо сообщала Актерамъ въ чувствительности, пылкости и опредѣлительной силѣ; онъ имѣлъ крѣпость души, приводящую сочинителей къ безсмертію; не въ томъ чтобъ онъ съ ними спорилъ о лаврахъ Парнасскихъ, но въ томъ что онъ проницалъ столько сіе дарованіе, что ни одинъ Актеръ въ семъ ему неуподобится, естьли не свыше будетъ славнѣйшихъ

сочини-

сочинителей. Сандфортъ былъ малорослъ и горбатъ; нѣжныхъ Характеровъ не могъ онъ представлять съ благопристойностію, но бываетъ величіе и въ тѣхъ, кои за сіе презираемы; и въ сихъ ему удавалось. Нельзя опредѣлить чтобъ природное его безобразіе, прилагало что либо къ цѣлому представленію, которое бывало примѣчанія достойно. Въ семъ случаѣ на театрѣ мущины счастливѣе предъ женщинами, и хотя какъ сіи такъ и тѣ, могутъ представлять не совершенные и презрительные Характеры; но публика не вытерпитъ горбатую, кривую и хромую Актрису, она лучше проститъ ей крайнее безобразіе. Женщины не хотятъ признаться, что онѣ въ семъ случаѣ еще больше имѣютъ нѣжности вкуса, но между тѣмъ говорятъ онѣ меньше о дарованіяхъ новаго

Актера, какъ о пріятности его фигуры.

Почти никакой Актеръ не можетъ быть счасливъ, естьли не будетъ подкрѣпляемъ искуствомъ; но что до Актрисъ лежитъ, то извѣстно, съ каковою легкостію пріобрѣтаютъ оныя вдругъ къ себѣ благосклонность. Въ большей части первыхъ Роль Актеръ будетъ лицу своему противурѣчить, естьли не будетъ имѣть пріятнаго вида, но сіе значитъ не примѣчать на различіе человѣческой фигуры, когда на театрѣ нужно показывать красивые предмѣты. Но сей родъ пренебреженія, не простирается однако такъ далеко, чтобъ могли сносить самую гадкую безобразность. Пусть бы Александръ отъ природы былъ кривошея, но мы возмутимся увидя въ таковомъ состояніи Театральнаго Александра. Совершенный

то Ирой, а не слабый человѣкъ, коего образъ мы видить желаемъ. Чрезъ предразсудокъ человѣческой гордости воображаемъ мы себѣ завсегда, что природа только въ приличное тѣло можетъ вмѣщать великую душу; и мы вообще требуемъ, чтобъ сіе совокупленіе было дѣлаемо, коль скоро состоитъ, оное во власти искуства. Доброта и благородство славной души, кажется намъ непозволяющими ни какую не пріятную смѣсь; гордясь блистающими свойствами нашего рода, не можемъ мы терпѣть, чтобъ насъ въ семь высокомѣріи, въ семъ правѣ почтенія, кое имѣемъ мы къ своимъ равнымъ насиловали. Мы ищемъ на Театрѣ радости и удивленія. Какъ же можемъ мы смѣшному смѣяться, когда сіе для насъ чувствительно? Какъ можемъ мы удивляться Ирою, представляющему наши нѣ-

нѣкоторыя добродѣтели, когда оный притомъ чрезъ свое безобразіе припоминаетъ намъ, что онъ такъ же какъ и мы, сожаленія достойная тварь есть.

Счасливыя дарованія природы, а особливо въ первыхъ роляхъ, кажутся иногда заступающими мѣсто талантовъ, для другихъ же Роль довольно естьли фигура не имѣетъ въ себѣ преткновительнаго: погрѣшности Характера, не должны дѣйствительно быть въ Актерѣ; ибо на театрѣ ищутъ подражанія, а недѣйствительностей. Молодой человѣкъ представляющій старика, нравится намъ лучше, нежели шестидесятилѣтній, коему даютъ Роль молодаго человѣка. Первый невзирая на все искуство притворить себя старымъ, даетъ изъ себя проскакивать утѣшительной живости, которую каждый зритель, чрезъ толь естественное побужденіе, склонный

ный къ удаленію упадка человѣческаго, себѣ присвоять умѣетъ: равнымъ образомъ можетъ быть видимъ грубый видъ мужика въ Актерѣ, который по себѣ ни чуть не подлъ. Съ фигурами почти тожъ какъ съ талантами. Сіе ужѐ есть опредѣленное, владѣть всею подлинностію Характера, который нашему совсѣмъ противенъ; и Актеръ который только нѣкоторыя ему свойственныя Роли, хорошо играть умѣетъ, не имѣетъ причины, требовать себѣ уваженія за таковую заслугу, коя ему ни чего не стоитъ, и далѣе простираться не можетъ. Между пріятностьми хорошей фигуры, надлежитъ необходимѣйшими считать, живость, пронзительный взоръ, выразительныя черты, Физіогномію, коя всегда готова огонь страстей отвращать: словомъ, что такъ сказать, въ пригожую фигуру

влюбленная публика, отъ фигуры Актеровой требуетъ всего, чего нѣжная женщина можетъ желать въ пріятностяхъ своего любовника.

О вторыхъ Роляхъ.

Вопрошаютъ играющихъ вторыя Роли, отъ чего то происходитъ что нѣкоторые Актеры великую имѣютъ славу: они отвѣтствуютъ, сіи по большей части обязаны тому счастію, что не играютъ другихъ кромѣ хорошихъ Роль, кои приводятъ ихъ въ состояніе употреблять тѣ дарованія, которыми другіе безъ дѣйствія снабжены. Сіе мнѣніе ни почему несправедливо. Не все есть хорошо въ первыхъ Роляхъ, а во вторыхъ такъ и въ малѣйшихъ вещахъ дарованіе можетъ быть видимо. Въ прочемъ публика и первымъ Актерамъ бываетъ благодарна, естьли оные часто иисходятъ до посредственныхъ Роль, и извѣстно что лучшія Роли не суть то что производитъ лучшихъ Комедіантовъ. Шакеспиръ рѣдко заставляетъ лице второй сте-

пени, говорить тѣмъ выраженіемъ, кое было бы качеству его не пристойно; и Актеру не должно опасаться, чтобъ онъ лишенъ былъ заслуживаемаго одобренія. Кажется есть и такія дарованія, кои посвящены всѣмъ различнымъ Ролямъ; и наконецъ лучше въ платьѣ слуги понравиться, нежели въ одѣждахъ вельможи быть освистану. Актеры большихъ Роль могутъ возвышать и вторыя, естьли сіи будутъ стараться въ подражаніи; ибо первые не рѣдко впадаютъ въ нерачивость; но какъ они обязаны всегда быть отличными, то погрѣшности ихъ тѣмъ будутъ примѣтнѣе, и доставляютъ, что чрезъ сравненіе, дарованія *нижнихъ* Актеровъ становятся явственными. Что лежитъ до выгодъ, каковыя можно имѣть отъ первыхъ Роль, то въ томъ согласились, что оныя знамѣниты, естьли Акте-

Актеры искустны; но тѣмъ опаснѣе, когда ихъ дарованія съ сочинительскими не равновѣсны. Голосъ и память не суть единственныя достаточныя дарованія для нижнихъ Комедіантовъ, оныхъ въ самой первой разъ лишъ вступишъ на театръ должно имѣть больше, или, чтобъ достичь совершенства, надлежитъ почти всегда начинать съ слабѣйшихъ Ролей. Можетъ быть публика, Актеру учреждающему себя по сему плану, позднѣе дастъ ободреніе; но можетъ быть онъ и скоро сдѣлается славенъ, однакожъ его щастіе состоитъ благонадежнѣе. Солдатъ, чрезъ храбрость, и труды учинившейся Генераломъ, не меньше почитается, какъ и достигшій вдругъ къ сему чину. Вторыхъ Роль Актеры часто разстроиваютъ себя, желая быть великолѣпнѣе первыхъ, сіе на-

зывается дорого покупать опасность показать свою низкость еще болѣе. Богатое платье не есть Характеръ истиннаго дарованія. Мы плѣняемся въ лицѣ хорошо себя представляющимъ, не тѣмъ ложнымъ достоинствомъ, за кое оно обязано портному; подобно какъ въ картинѣ, похваляемъ мы руку живописца, хотя ею Діогенъ и въ худыя обвернутъ одѣжды. По основанію Моралическому насмѣхаемся мы укладенному гасами гражданину, который имѣетъ взглядъ разнощика.

О возрастѣ, въ коемъ должно оставлять театръ.

Природа и разумъ понуждаютъ благоразсуднаго Актера, оставлять театръ, когда внѣшнія его пріятности начнутъ помрачаться, и способности души его слабѣть. Тысяча людей по единому честолюбію, и суетному своекорыстію, продолжаютъ и самыя меньшія дѣйствія долго послѣ того, какъ уже не имѣютъ къ нимъ способностей. Актеры, коимъ пріятное и лѣстное ихъ состояніе обратилось въ привычку, еще и меньше свобождены отъ сей слабости, но они удерживаются въ томъ сильнѣйшимъ побужденіемъ необходимости. Актеры, кои свои отличнѣйшіе таланты съ величайшею легкостію на театрѣ пріобрѣтаютъ, суть можетъ быть единые, кои всѣхъ меньше запасаютъ, чѣмъ бы жить

вѣ своей старости. Повѣствуютѣ что нѣкто имянемѣ Алленѣ оставилѣ имѣніе свое тѣмѣ, кои по случаю будутѣ имѣть его имя, вмѣсто чтобѣ оставить оное бѣднымѣ, которые по случаю воспріимутѣ родѣ его жизни. Что здѣсь кажется поношенія достойнымѣ вѣ разсужденіи сего человѣка, есть безсумнѣнія то же вѣ разсужденіи цѣлой Націи кѣ Комедіантамѣ: оные заслуживаютѣ до самаго конца, что ихѣ удостовѣряли такѣ же родомѣ благоденствія, равно какѣ пекутся о всѣхѣ прочихѣ обществахѣ: но между тѣмѣ нѣтѣ ни одного, кое столько было бы вѣ пренебреженіи; они посвящаютѣ свои таланты нашей забавѣ, кои можетѣ бы ихѣ обогатили, естьлибѣ обратили они ихѣ кѣ иному предмѣту, однако ихѣ оставляютѣ бѣдности вѣ умножающейся старости, когда уже

они

они насъ забавлять не въ состоянiи. Число ихъ не такъ велико, чтобъ не можно было оное наградить; но естьли достойны поношенiя вѣки, кои забываютъ о семъ состоянiи, то еще больше тѣ, кои приводятъ сiе въ необходимость. Директоры скоро поставляютъ себя въ безопасность отъ крайностей скудости, они бывали прежде Комедiантами. Имъ не должно сего забывать, но стараться время отъ времяни въ благодѣянiяхъ, могущихъ облегчать зиму лѣтъ своихъ собратовъ, искапывая источникъ къ ихъ содержанiю.

Хотя на театрѣ самую молодость сносить можно, но старость на ономъ нестерпима, мы можемъ видѣть оную только въ подражанiи, намъ прiятно лишъ то, что есть во оной смѣшнаго, но слабостьми ея мы быть довольны не можемъ. Со-

чинителю дозволено оную изображать, а Актеру сберегать насъ отъ гадкостей, кои она въ себѣ имѣетъ. Когдажъ театръ неохотно терпитъ старыхъ Актеровъ, то меньше можетъ сносить старыхъ Актрисъ; упадокъ въ нѣжномъ полѣ еще чувствительнѣе, въ томъ полѣ которого юношественныя и быстрыя прелѣсти носятъ съ собою наше счастіе и наше удовольствіе слабый, хрипящій голосъ, зыблющаяся походка, сѣдые волосы, изрядное подражаніе кашля хотя не имѣютъ въ себѣ возмутительнаго, но и все то тутъ, что Иллузія съ счасливымъ послѣдствомъ употребить можетъ: каждая изъ сихъ истинныхъ слабостей, побуждаетъ зрителей вздыхать, гдѣ таковое жъ подражаніе могло бы увеселять ихъ. Старикъ чающій себя быть молодымъ, можетъ лучше быть представленъ чрезъ Акте-

Актера, который ужѐ не въ цвѣтѣ своихъ лѣтъ; но ему не должно быть дряхлу и когда Роль кажется сего требующею, онъ долженъ притвориться не быть таковымъ. Правда, что въ Трагедіи невзирая на престарѣлость, можно представлять молодаго Ироя безъ нѣкоторыхъ непріятностей; самая Актриса безъ погрѣшности можетъ казаться матерью той особы, кою представляетъ. Достоинство Ироическихъ Характеровъ дѣлаетъ каждый возрастъ, и всѣ состоянія равными: но комедія оставленная волшебною силою сихъ возвышенныхъ добродѣтелей, не можетъ имѣть сего прибѣжища; и Актеръ въ срединѣ своего вѣка, ужѐ для многихъ Роль очень не приличенъ. Не тѣмъ чтобъ старость была порокъ, заслуживающій укореніе, онъ дѣлаетъ природѣ а не моралѣ усиліе: а имянно

потому что в комедіи изображают правильные нравы, то нескладно и смѣшно было бы, поминутно говорить о чей ни есть красотѣ и молодости, гдѣ ни той ни другой не видно, сіе значило бы измѣнить сочинителю, опечалить зрителей; ибо мы отвергаем Актера, которой сугубо наказан, быть дряхлым в свѣтѣ и на театрѣ.

О необходимой Комическимъ Актерамъ живости.

Забавное свойство не есть, какъ бы подумать можно, равнодушное обстоятельство для Комическаго Актера; не довольно, чтобъ онъ въ духѣ Роли своей совсѣмъ вникалъ; основаніе разумѣть хорошо, то что говоришъ, не повсегда есть достаточно въ намѣреніи на нѣкоторыя особливыя расположенія, коихъ иногда имѣть не можно, и сочинитель безплодно старается раскрасить страсти пріятнѣйшими лицами, когда самъ Актеръ оныхъ не чувствуетъ. Такова есть между прочими природная бодрость или живость. Никогда не достигаютъ правильнаго выраженія благородной и тонкой живости, естьли въ себѣ не имѣютъ тонкихъ чувствованіи. Остроумный выборъ различныхъ Характеровъ бодрости,

сти, есть то отъ чего все счастіе Комическаго Актера зависитъ; ему должно лишъ о томъ мыслить, чтобъ сіи постановить въ надлежащія ихъ мѣста и хотя одно простое расположеніе не есть достаточно, чтобъ играть Роли, наилучше для оныхъ приличныя; но оно по всегда есть выгоднѣйшее приращеніе къ преобрѣтеннымъ дарованіямъ. Видаютъ въ свѣтѣ дѣйствительно сладкихъ людей кои на театрѣ свой собственный Характеръ худо представляютъ; но и посредственный Актеръ, безопасенъ во всемъ томъ отличаться, что ему природно. Когда то справедливо, что средство хорошо писать, состоитъ въ томъ чтобъ хорошо чувствовать что пишешъ; то и Комическій Актеръ составитъ свое счастіе, когда онъ ограничится въ родѣ, который наибольше питаетъ путь его

вообра-

вообразительной силы; его природная живость проницаетъ, не бывъ за то обязана сочинителю, въ души зрителей, еще прежде нежели онъ начнетъ говорить. Крайнѣйшее желаніе привлечь къ себѣ всѣ голоса, сколь ни велики онаго опасности будетъ распространять на все его дѣйствіе сію бодрость, сію рѣдкую живость, кои усугубляютъ біеніе въ ладони. Короче сказать, ненасытимое требованіе на одобреніе дѣлаетъ иногда таланты въ содержаніи къ симъ обѣимъ великимъ пружинамъ совершенными: ибо удовольствіе славы приноситъ дѣйствіе богатствъ и желаніе имѣть оныхъ больше, умножается съ изобиліемъ.

Великій Актеръ не долженъ никогда о томъ безпокоиться, что показывается предъ малочисленнымъ собраніемъ; сія досада равно его какъ и публику обезчеститъ: на противъ, ему

 дол-

долженствуетъ усугубить старанiе, прiобрѣсть и отъ малаго собранiя столькожъ одобренiя какъ и отъ великаго. Въ прочемъ извѣстно что Акmеры наибольше всѣмъ жалующiеся обыкновенно суть худшiе; они ожидаютъ благосклонности отъ глупаго множества, а истинное дарованiе всегда познавается только отъ малаго числа знатоковъ; они мучатъ публику не чувствительностiю игры своей, они нюхаютъ тобакъ, и занимаются сами удовольствiемъ зрѣнiя въ привлекательнѣйшихъ сценахъ. Прiятныя Идеи, легкая бодрость сочинителевы должны безсумнѣнiя вникать въ Акmера; но сей не можетъ довольно предостерегать себя въ сбереженiи отъ не охотно случающихся почасту усмѣшекъ, кои Комедiанта открываютъ, дѣлаютъ его исчезающимъ, и всю мѣчту повреждаютъ. Акmрисы наиболѣе

впадаютъ въ сію погрѣшность; обнадеживаясь что публика восхищается таковою ихъ довѣренностію: они злоупотребляютъ сіе грубо, и когда въ обществѣ соль шутки, у насъ вырывающейся, только и имѣетъ въ себѣ лучшаго, когда оной смѣются, то сколь же невкусною будетъ оная на Театрѣ, гдѣ только не случай расказываютъ, но самое дѣйствіе представляютъ! отъ природы веселые люди бываютъ иногда важными въ обществѣ; по крайней мѣрѣ трогаетъ насъ и повергаетъ въ пріятный восторгъ ихъ голосъ и тотъ комическій образъ, съ коимъ они забавную повѣсть соединяютъ; нѣтъ лучшаго примѣра для Комическихъ Актеровъ. Физіогномія, коя учрежденіемъ чертъ своихъ кажется печальна, будетъ имѣть лишь принужденную живость; но на открытомъ и ясномъ лицѣ принужденная

важность есть очень изрядный Гримасъ, Въ комедіи не можно быть счасливу, не принявъ правилъ противуположенныхъ Трагическимъ, въ коихъ Актеръ неизвлечетъ изъ насъ ни одной слезки, естьли не позабудетъ самъ себя, между тѣмъ какъ Комическій Актеръ насъ увеселяетъ, долженъ онъ очень уменьшать свою природную живость. Великое есть искуство, овладѣть правильнымъ выраженіемъ, непоказываясь *о томъ помышляющимъ*. Одно слово, одинъ взглядъ увеселяютъ насъ крайнѣ, естьли покажутся невзначай вырвавшимися изъ собственнаго Характера Актерова; но когда онъ изображаетъ съ глубокою различительною силою, когда онъ всѣ слѣдствія того что говоритъ, проникнуть ищетъ, тогда Комическое учиняется холодною Критикою, видъ тонкости противу воли повреждаетъ вольность быть тон-

тонкимъ. Однимъ словомъ, природная живость на Театрѣ, равно какъ и въ свѣтѣ лишъ талантъ дурака, который всегда готовъ дѣлать намъ забаву, не бывъ искусенъ оною управлять, и умѣть скрывать то желаніе, которое имѣетъ онъ чтобъ насъ смѣшить.

О благородствѣ души нужной Трагическому Актеру.

Природная высота души для Трагическаго Актера есть тоже, что природная веселость для противуположеннаго рода. Когда только есть великіе люди, расказывающіе о великихъ дѣлахъ, то Трагическій Актеръ, чтобъ расказать оныя съ достоинствомъ, долженствуетъ много величія души имѣть своею участью. *Дарій* предлагалъ побѣдителю при Арбелѣ половину Асіи, и свою дочь въ супружество. Я принялъ бы сіе предложеніе, сказалъ Парменіонъ, естьлибъ былъ я Александрѣ; и я такъ же, отвѣчалъ Ирой, естьлибъ я Парменіонъ былъ. *Во устахъ* Актера коему недостаетъ благородной гордости, сей Ироическій отвѣтъ никогда невозъимѣетъ силы и величества, къ тому надлежащаго, а въ господинѣ Гаррикѣ изобразитъ

зитѣ то самаго Александра, вѣ прочемѣ и трудно, не имѣя другаго кромѣ обыкновеннаго чувствованія, тронуть насѣ величествомѣ Роли, ибо не можно вѣ себѣ произвесть благородныхѣ и великодушныхѣ мыслей. Правильный разумѣ, свободный отѣ честолюбія все украшать желающаго, высочество безѣ высокомѣрія, ограниченный простый видѣ, словомѣ достоинство котораго почти описать не можно, должно вмѣшиваться во всѣ движенія во всѣ слова Трагическаго Актера, не позабывая между тѣмѣ, что онѣ изображаетѣ намѣ добродѣтели человѣческой природы. Красивые стихи, такѣ сказать изображаютѣ на театрѣ Ироя только вѣ половину; но изящнѣйшій Актерѣ, сѣ обширнопростирающимся разумомѣ, который все проницаетѣ вѣ чемѣ долженѣ быть великій человѣкѣ не уронитѣ ничего вѣ начерта-

 нiи,

нiи, кое объ немъ дѣлаетъ: рѣчь, видъ, дѣйствiе, все оживлено и одушевлено искуство его такъ возсходитъ, что не видно у него кромѣ натуры, оно есть цѣлая душа, самая истинная вещь къ которой дотрогивается пальцомъ, огонь который никогда не угасаетъ, возвышается, унижается, и вдругъ опять появляется, чтобъ все воспалить, оно есть величiе, оно есть въ каждомъ Ироѣ различная высота; различно въ единственномъ, повсегда равно въ великомъ Актерѣ, и никогда тоже самое! счастливѣе нежели Сочинитель и Историкъ, а иногда и остроумнѣе, укращаетъ онъ Характеръ, который они пренебрѣгли, и даетъ слабому общее чувствованiе, силу, толь хорошее выраженiе, что принуждено бываетъ обыкновенной добродѣтели удивляться, или жалѣть о порокѣ, коимъ бы мерзить

вить надлежало; такъ учиняется Актеръ, великимъ сочинителемъ, въ томъ мѣстѣ гдѣ Сочинитель только худой Комедіантъ былъ.

Но когда Трагическій Актеръ источникъ великихъ чувствованій въ самомъ себѣ находить долженъ, то изъ того не слѣдуетъ, чтобъ онъ внѣ театра, всѣмъ своимъ рѣчамъ и ухваткамъ придавалъ тоже достоинство и важность, которое едвали и возвышеннѣйшимъ людямъ на свѣтѣ бываетъ къ стати. Можно заключить, каково смѣшно будетъ, не снимать Котурнъ (*) для принятія своихъ друзей, равно какъ должно то давая аудіенцію послу, и отъ корчемнаго служителя требовать стаканъ холодной воды съ видомъ Римскаго

(*) Родъ древней Римской обуви.

Генерала; дуракЪ можетЪ воображать, что легче быть Ироемѣ, нежели онаго представить на театрѣ. Нѣкоторые крайнѣ посредственные Актеры имѣютЪ можетЪ быть нужду, безпрестанно вздымать себя на высоту, жалкое средство помощи, которое наконецЪ ничего не произведетЪ какЪ на театрѣ такЪ и вЪ городѣ, кромѣ пустаго надуванія. Не увеличиваніе вещи, но ея собственное вЪ надлежащемЪ мѣстѣ приведенное свойство, составляетЪ истинное ея совершенство. Ни что больше не сходствуетЪ сЪ истиннымЪ величіемЪ, какЪ ложное достоинство: но здравая и просвѣщенная опредѣлительная сила, умѣетЪ ихЪ различать. Великіе люди не имѣютЪ пышности вЪ своей обыкновенной жизни, они оказываются во оной просты, и помалу только что вЪ простотѣ и скромности есть истин-

истинное достоинство; они кажется забываютЪ себя, то есть свой ХарактерЪ; но они наполняютЪ насЪ удивленіемЪ, коль скоро обрѣтаются вЪ случаѣ гдѣ надлежитЪ имЪ показать свою знамѣнитость, мы думаемЪ что видимЪ ихЪ повседневно, и тогда лишЪ впервые узнаемЪ. ТакЪ и великой АктерЪ показывается намЪ вЪ городѣ низокЪ, на театрѣ гордЪ, и повсегда новЪ.

ПромыслЪ Комедіента безсумнѣнія заслуживаетЪ нѣкоторое почтеніе, и притомЪ кЪ нашей выгодѣ сіе, когда онЪ тѣмЪ льститЪ себѣ, что хотятЪ того чтобЪ онЪ устремлялЪ всѣ свои силы отличить себя. Сіе можетЪ быть для ограниченнаго таланта нужное побужденіе не есть то, что великаго Актера доводитЪ кЪ совершенству вЪ его искуствѣ; онЪ ощущаетЪ вЪ самомЪ себѣ

нѣкоторую высокость, коя ему свойственна, онъ распространяетъ оную въ душѣ зрителя, который изумляется чувствованіями его безпокоющими. Сія власть, всѣлять всѣ страсти въ сердце равнодушнаго зрителя, есть преимущество изящнѣйшаго Трагическаго Актера, который почти чрезъ невѣроятную прелѣсть, кромѣ чувствъ сочинителевыхъ, возбуждаетъ въ насъ множество величественныхъ и нѣжныхъ мыслей, чего единое чтеніе сочиненія никогда вліять не можетъ.

Г. Квинъ былъ ужѐ старъ, когда онъ взялъ Роль Комуса въ сочиненіи Милтоновомъ. Игра его, которая отъ природы была важна, казалась еще меньше приличествовать, для представленія юнаго бога безпорядковъ; между тѣмъ получилъ онъ всеобщую похвалу, невзирая на свою старость, и всѣ не

вы-

выгоды фигуры, въ коей смѣхи и легкія пріятности ужѐ не обитали; но вмѣсто молодости показывалъ онъ достоинство, и понеже не могъ быть живъ, то былъ онъ величественъ. Милтоновъ слогъ придаетъ говорящему все достоинство, какое только вообразить можно но когда достоинство дѣйствія не отвергаетъ пышностью мыслей, то Актеръ оными обременяется, естьли онъ посредственъ, то въ сочиненіи Милтоновомъ не будетъ меньше освобожденъ, какъ и Актеръ коему дана главная Роль; все его притворное величіе, его слабый огнь, его неравномѣрная живость, не будутъ имѣть другой силы и дѣйствія, кромѣ чтобъ означить его погрѣшности.

О нѣжности.

На Театрѣ величество Царей, ихъ власть, ихъ благодѣянія имѣютъ надъ нами столь много силы, равно какъ бы сіи великіе предмѣты были свыше своей дѣйствительности: мы трепещемъ, мы повинуемся, мы удивляемся, такъ какъ хорошій Актеръ захочетъ, онъ есть неограниченный государь, онъ беретъ насъ въ плѣнъ подъ иго нашихъ хотѣній. Но между тѣмъ есть другой, который можетъ быть оспоритъ сію власть его, сей есть любви достойный и рѣдкій Актеръ который умѣетъ выражать нѣжныя страсти влюбленнаго человѣка. Властъ Царей простирается только на особу, а его оковываетъ сердце, онъ раздираетъ оное или погружаетъ въ удовольствіе. величайшій государь, вооруженный всею своею знамѣнитостію, не можетъ у насъ извлещи

щи слезъ, а дѣйствительно чувствительный Актеръ чрезъ одно слово, чрезъ вздохъ дѣлаетъ что они польются, мы вздыхаемъ съ нимъ, и еще притомъ образѣ не токмо съ его равнымъ, но еще и крѣпчайшимъ.

Между всѣми впечатленіями души тихая скорбь, гонящая несчасно любящаго, есть повсегда та, которыя предстоящій образъ насъ сильнѣе возбуждаетъ. Мы основаніе сей къ счастію жизни толь нужной страсти, выносимъ съ собою на свѣтъ вмѣстѣ, мы терпимъ со всѣми, которые отъ нее терпятъ, ни какое другое чувствованіе непроизводитъ въ насъ сего дѣйствія. Мы видимъ свирѣпствующаго, не бывъ тѣмъ возбуждены, человѣка въ своей радости, не дѣлаясь отъ того радостнѣе, но начертаніе несчастно любящаго наполняетъ насъ живѣйшею корыстію. Мы Симпатически

чески пріемлемъ въ скорбяхъ его участіе, мы ощущаемъ то, что иногда ощущать можемъ, мы почитаемъ сердца, кои отъ любви или нѣжности не счасливы; они суть возвышены и великодушны, та добродѣтель которая даетъ счастію ихъ сіяніе, учиняетъ несчастіе ихъ благороднымъ. Когда на театрѣ незаслуживаемымъ несчастіемъ обременяемый Ирой наконецъ оное превзойтить долженъ, то мы чувствуемъ его печаль, обнадеживаясь, что радость послѣдуетъ его несчастію, или когда онъ подъ нимъ упасть долженъ, то мы всегда еще имѣемъ утѣшеніе, мы вѣримъ что его паденіе въ его родѣ есть счасливо, по тому что онъ невиненъ, ибо мы желаемъ лучше смерти Ирою, нежели чтобъ онъ умеръ преступникомъ и довольствуемся тѣми скорбьми, кои съ нимъ раздѣляемъ.

Ви-

Видаютъ комедіантовъ, кои внутренно очень чувствительны они кажутся будтобы вздыхаютъ только на свой счетъ: они при малѣйшемъ чтеніи приходятъ въ движеніе, они проливаютъ въ представленныхъ ими трогательныхъ мѣстахъ слезы, и кажутся ничего не чувствующими, когда оные представляютъ сами. Естьли сіе незнаніе искуства, порокъ не осторожности, унылость души, которая только къ словамъ прилѣпляется, а содержаніе теряетъ изъ вида? Небреженіе есть изъ тѣхъ пороковъ, кои Актеръ съ собою приноситъ на театръ и который меньше всего терпимъ есть: вступающіе на оный безъ дарованіевъ и разума, больше жалости достойны, и заслуживаютъ между тѣмъ однако обличеніе отъ публики. Когда Актеръ не производитъ на нашу душу всего впечатленія, коего

мы отъ него ожидать можемъ, то не всегда должно его холодности или небреженію приписывать вину; робость, кою иногда производитъ въ немъ шумящее собраніе, ограничиваетъ часть его дарованій; ученикъ, и совершеннѣйшій Актеръ, естьли имѣютъ новую Роль, бываютъ въ равномъ обстоятельствѣ: отсудствіе похвалы, кою Актеръ пріобыкъ получать, производитъ иногда ровное дѣйствіе, довольно находится скромныхъ, но мало таковыхъ, кои бы воображали, что они худо играютъ когда не аплодируютъ, и чемъ больше они тогда робѣютъ, тѣмъ больше удаляются отъ похвалъ кои бы впрочемъ могли пріобресть. Въ первый разъ когда съ всеобщею похвалою приняли госпожу Притхардъ, играла она Розалиду, и съ искуснымъ огнемъ выговаривала слѣдующее:

Fais

Fais ſoutir le bouchon de tes lévres Diſcretes je ſavoire à longs traits le nectar de tes nouvelles.

Ей до конца Піесы аплодировали, и дѣлаютъ тожъ поднѣсь. безъ сего счасливаго обстоятельства можетъ быть Англія лишилась бы лучшей Актрисы, которая подобна испужанному сѣвернымъ вѣтромъ цвѣтку, не приеслабы Партерѣ живѣйшаго блѣска своихъ красивыхъ тѣней.

О наклонности къ любви.

Понеже отъ любви не могутъ укрыться и тѣ взоры, кои наименьше свѣтлыми кажутся, то Актеръ который почасту вздыхаетъ, долженъ отъ природы быть влюбленъ. У Актеровъ случается очень трудно, чтобъ сцену любовниковъ хорошо прадставили мужъ съ женою, можетъ быть сія *Иллузія* портится отъ нашего предразсудка, что будто не можетъ быть супруговъ нѣжно любящихся: но Актеръ и Актриса, кои совершенную любовь другъ къ другу имѣютъ, когда выступятъ, на театръ, даютъ намъ все чувствовать, что театръ имѣетъ въ себѣ отъ искуства и природы любвидостойнаго и чувствительнаго,

Въ Комическомъ и важномъ любовникъ кажется почти одинакой

такой Характеръ имѣющимъ, и Актеръ обыкновенно изображаетъ любовь довольно хорошо въ обоихъ родахъ. Но трагическая Актриса, которая въ нѣжныхъ роляхъ больше нежели одного рода естьли совершенна, говоритъ не таково хорошо о любви въ Комическомъ; и равномѣрно, естьли бывъ искусна въ Комическомъ, переходитъ въ нѣжную Роль Трагическую: ибо многія Актрисы таковы щеголеваты, таковы склонны къ интересу, что они рѣдко нѣжность вышнихъ страстей, кои невозможно имъ чувствовать, выражать могутъ. И такъ любовь очищенная отъ чувствительностей, кои противны ея предмѣту, есть нѣжнѣйшая: и только сіе совершенное расположеніе можетъ зрителей сильно трогать. Однако противу одной дѣйствительно чувствительной Актрисы, которая подобно Юлитѣ

вздыхаетъ, есть тысяча, кои умѣютъ выразить ярость Гермiоны, или слезы Белвидерины (*) истин-

---

(*) Два славные Комедiянта, кои яко знатоки писали о театральномъ искуствѣ, состоятъ въ одномъ довольно важномъ пунктѣ различны мнѣнiемъ, а именно о дарованiи проливать слезы Господинъ Л. Р. утверждаетъ, что они подражанiю придаютъ вышнее совершенство, а господинъ Ф. Р. думаетъ, что они уничтожаютъ оное, или по крайней мѣрѣ должны дѣлать непрiятнымъ. Когда слезы, говоритъ сей, текутъ изъ очей твоихъ, то нечаянныя рыданiя воспрепятствуютъ гортани твоей, и неможно тебѣ будетъ ни одного слова произнесть, безъ смѣшнаго хлипанiя. Сiе дѣйствiе, которое въ отношенiи до большей части Комедiантовъ есть истинно, не можетъ касаться до великихъ Актеровъ, кои и въ безпорядкѣ своихъ чувствъ, умѣютъ управлять своими органами, неоставляя

истинна дѣтской любви имѣетъ въ себѣ много нѣжности, коя страсть любящаго Характеризируетъ.

Не нужно имѣть сердце тиранское, ни суровость дикаго человѣка, чтобъ сыграть Ролю Баязета, или Жида Венеціанскаго. Легко подражать нѣкоторой суровости и обыкновеннымъ страстямъ, коихъ черты, такъ сказать часто въ глаза впадаютъ, дикой видъ, противный взглядъ, и страшный голосъ изображаютъ вдругъ тиранство или дикость. Но что

ляя естественности. И такъ состояніе дѣйствительно тронутаго Актера, какимъ предпоставляетъ его господинъ Ф. Р: можетъ различествовать отъ состоянія того, который только тѣмъ трогается о чемъ говоритъ, и по тому заключается, что въ первомъ случаѣ невозможно проливать слезы безъ Гримасовъ.

бы принять Идею чувствительнаго Римлянина, должно быть влюбленну, знаки любви имѣютъ свои источники только во основанiи сердца тонкость души, столь много нѣжныхъ чувствъ, столь много другихъ смѣшанныхъ тѣней, убѣгаютъ у всѣхъ кистей воображенiя. Одна любовь простирается далѣе нежели всѣ страсти вообще: ухватки, движенiе голоса, все придаетъ въ ней обыкновеннѣйшимъ вещамъ нерѣдко новое бытiе. Мыслями ее проникнуть можно, но уже отъ ней самой зависитъ, учинить себя глазамъ нашимъ знакомою, спокойнѣйшiй человѣкъ можетъ насъ чрезъ притворную ярость или радость, испугать или увеселить. Но какой разнодушный человѣкъ могъ когда либо занять страсти страха и удовольствiя любовнаго, кои другъ за другомъ слѣдуютъ, вдругъ въ одномъ сердцѣ

сра-

сражаются, любовь уязвляютъ, въ томъ какъ чрезъ оную дѣлаются счастливыми?

На конецъ прѣлесть истинны, сія душа всеобщаго представленія, что наиболѣе къ дѣйствительности приближается что насъ въ изумленіе повергаетъ, что насъ на театрѣ во всѣхъ искуствахъ очаровываетъ, остается безъ живости, коль скоро говоритъ не любовь, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оная одна говорить долженствуетъ. Переодѣтая Актриса нравится только въ Ролѣ нѣжнаго господчика и другихъ нѣкоторыхъ, но ея красота и пріятности каковыбъ велики ни были, то чувствуемъ мы непреодолимое негодованіе при первомъ ея словѣ о любви, которое излетитъ изъ устъ ея въ семъ переодѣяніи. Сколько безполезна и сильнѣйшая Иллузія въ сей страсти столь необходима для ней истина.

на. Любовь превосходящая искуство и способности человѣческія существуетъ только въ одной самой себѣ. Деспро сказалъ, и сіе правило надлежитъ употреблять Актерамъ больше, нежели всѣмъ Артистамъ:

Mais pour bien exprimer ces caprices heureux, c' est peu d' être Poëte, il faut être amoureux.

О голосѣ.

Кромѣ означенныхъ пріятныхъ дарованіевъ, кои Актеру съ собою на театръ приносить должно, есть и другія которыя ему необходимы, чтобъ нѣкоторымъ Ролямъ придать столькожъ силы, какъ и справедливости. Вопервыхъ должно разсмотрѣть голосъ, по его пространству.

Первѣйшее изъ правилъ, есть то чтобъ учинить себя всѣмъ вразумительнымъ : извѣстно сколь много Ораторовъ во всѣхъ родахъ, гдѣ искуство произношенія необходимымъ кажется, не взирая на основанія своихъ заслугъ, по недостатку органовъ далеко не въ надлежащей оставались славѣ. Потому что Палма поетъ, у котораго нѣтъ хорошаго голоса, для чегожъ не можно замѣнить пріятностей голоса, коего мнѣ не достаетъ?

былъ

былъ вопросъ одного Актера, желавшаго играть Роль Отела. Директоръ усмотрѣлъ къ чему онъ способенъ, и поставилъ онаго въ его мѣсто; и онъ былъ очень счастливъ въ Пантоминѣ.

Въ разныхъ Характерахъ, а особливо въ Ролѣ любовника, хорошій голосъ почти заступаетъ мѣсто хорошей фигуры, и въ Комическомъ можетъ быть вообще довольно, имѣть выговоръ безъ погрѣшностей. Съ сими *обоими свойствами*, кои реже и нужнѣе нежели думаютъ, Трагическій Актеръ долженствуетъ соединять доброзвучный, высокій и полный голосъ; свойство, для Комическаго Актера рѣдко нужное, естьли только временемъ необращающееся ему *не* въ выгоду. По всегда знатокъ во управленіи своимъ голосомъ, долженъ онъ звоны размѣрять по своему голосу, чтобъ оные были ни высоки

соки ни низки, дабы примѣтны были различные переходы нечаянныхъ страстей. Пронзительный величественный голосъ возноситъ насъ сверьхъ природы, чтобъ удивить полубогами въ трагедіи; но Комическія лицы говорятъ не по Божественному а человѣчески.

Легкое и мягкое выраженіе различаетъ Комическаго; а достоинственное Трагическаго Актера; по сему голосъ перваго долженъ быть тихъ и обычаенъ, а другаго великъ. Въ комедіи нѣжныя сцены дѣлаются только за тѣмъ чтобъ трогать наши сердца, а Трагедія раздираетъ совсѣмъ нашу душу. Голосъ Г. Гаррика, наполненный ярости или нѣжности, совокупляетъ сіи сугубые таланты въ вышней степени. Но естьли ревнивая Статира или свирѣпая Герміона провозвѣстится слабымъ голомъ гнѣвающейся

ся Актрисы, то весь громъ Ораторіи покежется намъ выходящимъ изъ маленькой скрыпчонки. Правда, что въ свѣтѣ природа съ особами высокихъ чиновъ не лучше обходится, какъ и съ нижними, даже что первые рѣдко хорошій пріемлютъ жребій; они такъ же какъ и всѣ прочіе, получаютъ безобразную фигуру, и суровый голосъ. Но когда не можно сносить ни каковаго примѣтнаго несовершенства въ лицѣ Ироя: то Трагическій Актеръ преимущественно долженъ быть складенъ и любви достоинъ. Хотя высокое Комическое требуетъ обширнаго голоса; страсти во ономъ приближаются къ Трагическимъ; хорошій органическій голосъ нѣжности придастъ силу и движеніе, которое и есть ужѐ благороднѣе всего того, чего не можно ожидать въ цѣломъ дѣй-

дѣйствіи великаго Комическаго Актера.

Вещественное различіе Трагическаго и Комическаго въ разсужденіи голоса есть въ томъ, что въ первомъ оный долженъ быть пространенъ, а во второмъ довольно правиленъ. Актриса должна своимъ голосомъ лучше управлять, нежели Актеръ въ самыхъ нѣжныхъ мѣстахъ Комедіи; ибо видаютъ Актеровъ, коимъ въ семъ родѣ сценъ очень аплодируютъ, хотя они и посредственный имѣютъ голосъ, напротивъ въ таковыхъ же мѣстахъ Актрисы съ преизряднымъ голосомъ не всегда счасливы. Основаніе сему надлежитъ искать въ благопристойности ихъ пола, которое не позволяетъ имъ принуждать голоса, коего звонъ въ одно время въ содержаніи къ нѣжности, кою имъ выразить желается, будетъ не пристоенъ.

О тѣхъ родахъ лицъ, кои способны для нѣкоторыхъ Характеровъ.

Такъ какъ есть голоса пристойные Комическому, равномѣрно есть изъ оныхъ различные для Трагедіи; по томужъ нужно, дабы въ томъ или другомъ родѣ хорошо съиграть свою Роль, имѣть для оной свойственную фигуру. Мы желаемъ для первыхъ Роль Комедіи имѣть особу исполненную пріятностей; а для Трагедіи требуется величественная и разительная. Актеръ въ семъ обстоятельствѣ долженъ имѣть особливое примѣчаніе, ибо счастіе его отъ того зависитъ. Не по тому чтобъ добродѣтельный Ирой насъ привлекать не могъ, не имѣя того что называется хорошая фигура. Но въ Комедіи гдѣ толь близко къ природѣ, гдѣ свойства души не совершен-

нѣе

нѣе какъ и въ свѣтѣ, Актеръ обязанъ слабости оныя дополнять всѣми прелѣстьми своей особы. Нескладная страсть женщины худаго вкуса, на театрѣ тѣмъ больше подѣйствуетъ, чѣмъ любовникъ ея въ фигурѣ своей дѣйствительныя имѣетъ несовершенства тогда дарованiямъ Актрисы отдадутъ справедливость, не осуждая женщины оную представляющей, мы бываемъ довольны видя что ея худый выборъ, утвержденъ на худомъ ея вкусѣ; такъ то правдоподобiе долженствуетъ и въ нескладнѣйшихъ вещахъ быть наблюдаемо.

Порядочная фигура въ Жафiерѣ есть довольно прилична, онъ можетъ быть любимъ своею женою, безъ того чтобъ оному удивлялись; благодарность за прошедшiя услуги, склонность кою съ давняго времяни другъ къ другу чувствуютъ, не счастiе,

кое они раздѣляютъ, суть источники страсти, которая въ разсужденіи мужа ни пригожаго ни складнаго, столь же благопристойна, какъ къ тому, коего фигура изъ любви достойнѣйшихъ. Но въ Ромеѣ лишъ молодость, красота и пріятность кои насъ трогаютъ: тутъ нѣтъ обязательствъ, ни общихъ несчастіи ни напоминовенія воспріятыхъ услугъ, ето любовь молодой дѣвицы, ето молодый человѣкъ коего она единственно любитъ за его пріятности, и выборъ ея не былъ бы ужѐ вѣроятенъ, естьли Актеръ не соединяетъ въ себѣ всего того что можетъ искусить женщину хорошаго вкуса. Нѣкоторые Комедіанты не взирая на всѣ сіи выгоды намъ не понравятся, естьли не умѣютъ оныхъ съ благопристойностію употреблять, словомъ, Иллузія должна быть подкрѣпляема правдоподобіемъ кото-

которое далѣе простирается нежели театрѣ. Когда госпожа Цибберѣ представляла Юлиту на театрѣ вѣ Хаимаркетѣ, били ей вѣ ладони какѣ и ожидаемо, но ея любовникѣ былѣ ее отецѣ которое Пiесѣ придавало нѣчто кровосмѣсительное, чѣмѣ всѣ нѣжныя зрители имѣли причину возмутиться.

Когда Менелай свою дщерь, свою любезную дщерь отдаетѣ счасливому Пирру — — Я знаю, сколь много божественная Гермiона, холодна кѣ моимѣ обѣтамѣ — — Сiе есть вѣ другой Трагедiи выраженiе Орестово. И такѣ Гермiону должно представлять красавицѣ; ибо ея слабыя добродѣтели, чтобѣ не сказать пороки, безѣ того не могутѣ упоить любовiю и безразсуднаго человѣка, всегожѣ меньше Ироя. Орестѣ притворственную, гордую и злую женщину не полюбилѣ бы, развѣ отѣ на-

чала до конца былъ бы въ изступленіи. Ему не возможно забыть честь свою, поругать священнѣйшій Характеръ посла Греціи и учиниться убійцею великаго Царя, для гадкой женщины, и безъ добродѣтели. Въ недостаткѣ достоинствъ только совершенная красота, или по крайности примѣтныя пріятности, кои неукротимую страсть извиняютъ, ибо въ поведеніи Герміоны не видно ни чего достойнаго толь жестокой страсти. Она почитаетъ Пирра явно въ лицѣ Ореста; словомъ сказать, мы сердимся на театръ, видя наономъ добродѣтельчаго и разумнаго Ироя, вздыхающаго по безстыдной Царевнѣ, и притомъ еще отвратительнаго вида.

Не пріятная фигура учиняетъ Монарха неуважаемымъ, старость любовника смѣшнымъ и обоихъ природѣ противными.

Величе-

Величественный Ирой долженЪ удерживать вЪ лицѢ кротость, и вЪ самое то время когда онЪ страшенЪ. Мы видимЪ нѢчто дикое вЪ ХарактерѢ Отелла, но Яго возбуждаетЪ постепенно свою ревность, коя безЪ сего обстоятельства была бы ужасна; и когда Яго хорошо бываетЪ сЪигранЪ, то меньше мерзимЪ мы преступленіями Отелла, не взирая на трепѢтЪ, который долженствуетЪ вливать человѢкЪ умерщвляющій свою жену. ШакеспирЪ сію страшную лютость умѢлЪ соединить сЪ ХарактеромЪ Ироя; но онЪ безплодно бы трудился, естьли АктерЪ не подкрѢпитЪ сочинителя.

НадлежитЪ согласованіе старости, между особою представляющею и ИроемЪ, сколь возможно больше наблюдать, какЪ ни сходенЪ портретЪ, но оный отвергаютЪ, коль скоро онЪ старѢе подлинника. ВЪ ко-

медіи, несходство возраста между Комедіянтомъ и его Ролею, сноснѣе нежели въ трагедіи; а особливо въ нижнихъ Роляхъ: ибо вышнія Роли когда больше приближаются къ Трагическимъ, слѣдуютъ одинакимъ правиламъ. Старая, но искусная Актриса, помрачаютъ молодую не имѣющую дарованіевъ: между тѣмъ однако остается въ ней зеркало, въ которомъ естественная старость ея видима, но сіе нерѣдко случается; ни одинъ Жилбласъ не увѣрится что онъ начинаетъ седѣть, глаза публики въ томъ доказываютъ: сіе зеркало отъ коего ни что неукроется.

О служителяхъ.

Пріятность, красота, прелесть голоса, молодость, всѣ сіи блистательныя преимущества, кои для первыхъ Роль необходимы, рѣдко нужны для Характеровъ нижнихъ; едва ли можно требовать чтобъ оныя достигали совершенства, почему оныя гораздо легче наполнить, нежели первыя мѣста, а особливо въ возрѣніи на личное удовольствіе, и Театръ въ томъ имѣетъ выгоды: безъ сей удобности, великое было бы затрудненіе, столь много пріятностей фигуры и дарованіевъ соединить въ первыхъ лицахъ. Молодость есть лучшее въ комедіи, и Трагическимъ Царевнамъ равно какъ и влюбленнымъ Ироямъ существенна, но въ нижнемъ Комическомъ не такова нужна. Слуга можетъ еще блистать, когда ужъ будетъ и въ посред-

ственныхЪ лѣтахЪ, и нѣсколько староватая горничная дѣвка столь же изрядна, какЪ и вЪ веснѣ лѣтЪ своихЪ: часто сіи только недостатки дѣлаютЪ ихЪ забавнѣе. Горничная дѣвка должна быть почасту глупо занята своимЪ достоинствомЪ, или высокомѣріемЪ мнимой кокетки, и чѣмЪ меньше пріятностей вЪ лицѣ своемЪ и голосѣ, чѣмЪ меньше достойна она хорошаго счастія, тѣмЪ Комичественнѣе она представится. Переодѣтый слуга, представляющій щеголя или дворянина, дабы обмануть смѣшную женщину, больше увеселитЪ насЪ своею мнимою фигурою и ухватками; весьма смѣются видя невѣжу, размѣривающаго всѣ слова свои, и подражающаго искуству знатнаго обхожденія.

Не одинЪ только недостатокЪ молодости, и странная фигура составляютЪ ихЪ счастіе, естьли

ли то съ выборомъ употреблено будетъ почти нѣтъ возраста, и какой нибудь неблагообразности, коибъ нижнему количеству не были очень выгодны. Какъ въ нѣкоторыхъ комедіяхъ, можетъ быть терпимо, горничная дѣвка гораздо не молодыхъ лѣтъ; такъ и самая молодость ея способна для многихъ Роль: на примѣръ, своей не молодой госпожѣ подавать совѣты; то сія нескладица тѣмъ бываетъ забавнѣе, чѣмъ видъ служанки показываетъ незнаніе молодости. Главнѣйшія ея свойства, состоятъ обыкновенно во многой живости, совокупляемой съ проворствомъ не утомимаго языка; лукавый взглядъ, подлая острота: но безстыдной звонъ есть всегда погрѣшность, на которую публика съ большимъ взираетъ неудовольствіемъ. Свойство служителя состоитъ въ покорномъ

 видѣ,

видѣ, взорахъ обманщика, тихомъ или умоляющемъ голосѣ; проворномъ повиновенiи; онъ долженъ быть всегда въ готовности; движенiе нужно въ его Характерѣ, но излишество во ономъ несносно, поворотливость корпуса ему свойственна. Слуга, которой безъ помощи другихъ исправлялъ бы легко и искусно труднѣйшiя возложенiя, заслуживаетъ столькожъ быть освистанъ, какъ и горничная дѣвка, которая безъ умолку болтаетъ. Многiе Актеры, и въ самомъ нижнемъ Комическомъ, кажется невѣдаютъ, что всевозможное искуство не въ состоянiи дать имъ ни голоса ни фигуры, естьли оныхъ не имѣютъ. Искуство дѣйствуетъ лишъ въ такомъ обстоятельствѣ, кое приготовлено ужѐ рукою природы, и которая съ выгодами тѣла, естьли дала имъ и свойства души.

О истиннѣ предстапленія.

ПредмѣтЪ Театральнаго представленія, состоитЪ вЪ начертаніи природы благородными и пріятными обстоятельствами. ОтЪ Актера зависитЪ придать выдумкѣ всевозможное правдоподобіе; и естьли достигнетЪ сего, то онЪ нашелЪ, что собственно называется истинною Театральнаго представленія. ЧрезЪ сіе выраженіе разумѣютЪ совокупленіе правдоподобій, кои на вышнею степень истинны приближаются, причемЪ зритель можетЪ думать, что смотритЪ на истинное приключеніе.

Истинна представленія раскрывается изрядно, когда взгляды, видЪ и голосЪ лица сходствуютЪ кЪ лѣтамЪ, состоянію, особливому свойству и обстоятельствамЪ, вЪ коихЪ они употребляются, чтобЪ содер-

жаніе

жанїе всеобщаго Характера было одинаково, а страсти перемѣняли бы оный безпрестанно. Сцїолто ужѐ дѣдушка, должно быть морщинамъ на лбу его, а мы желаемъ видѣть въ немъ достоинство, онъ человѣкъ знатный, его радость и его скорбь должны имѣть впечатленїе его собственныхъ чувствованїй. Баязетъ и совѣтникъ Фондлевизъ оба разгнѣванны; рѣвность приводитъ ихъ въ движенїе, страсти ихъ въ *обоемъ сходстсвенны*, но они открываются толь различно, что все въ нихъ кажется несходствующимъ. Любовь молодаго человѣка дерзка, а мужа зрѣлыхъ лѣтъ разумна. Ирой вздыхаетъ благородно, и грозитъ ярос̑тїю. Въ Комедїи человѣкъ благовоспитанный не имѣетъ грубости рукомесленника. Скупый и мотъ чувствуютъ отнятїе у себя денегъ, весьма различнымъ образомъ.

зомъ. Дуракъ не смущается отъ выговора, тѣмъ образомъ какъ разумный и благочинный человѣкъ: и расудительный любовникъ, теряющій свою повелительницу, не печалится больше, какъ бы потерялъ онъ свою табакерку.

О истиннѣ дѣйствія.

Чтобъ исправно выразить Театральное дѣйствіе, надлежитъ также прилѣжно дѣйствовать, какъ долженствовалъ поступать тотъ, коего представляютъ въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя Актеръ изображаетъ. Любовникъ, коего вводятъ въ спальню его повелительницы, застаетъ ее одну, которая въ отсудствіи того коего любитъ, забавляется чтеніемъ его писемъ: онъ неосмѣливается слова произнесть, но дѣйствіе его тѣмъ живѣе; онъ ходитъ взадъ и впередъ, боится быть примѣченъ, радость, робость, надежда, замѣшательство, слѣдуютъ другъ за дрогомъ на лицѣ его: всѣ сіи различныя движенія множайшимъ исполняются огнемъ, нежели могъ бы то продать имъ сочинитель. Когда Ифигенія у отца

ца своего совсѣмъ приготовившагося принесть ея богамъ на жертву, вопрошаетъ, будетъ ли она присудствовать на празднествѣ, которое онъ пріуготовилъ; то должно бы съ начала подумать, что слѣдуетъ ему взирать на нее съ виликою нѣжностію и терзаніемъ, когда отвѣчаетъ онъ ей сіе: ты будешъ при ономъ, дочь моя. Сіе движеніе было бы ложно; онъ отвращаетъ взоры отъ столь жалостнаго предмѣта; онъ не можетъ взглянуть на нее, не открывъ ей бѣдственнаго своего намѣренія; такъ представляютъ сіе на Францускомъ театрѣ, наши Англинскіе Актеры не могутъ имѣть въ семъ случаѣ прекраснѣйшаго образца, истиннѣ дѣйствія.

Гамлетъ понуждаетъ родительницу свою разсмотрѣть привиденіе, съ которымъ онъ говоритъ, она отворачивается прочь,

прочь, боясь оное увидѣть, хотя сочинитель выражаетъ ея словами, что она ничего невидитъ: сіе есть первое движеніе, и кажется довольно благоразумно, между тѣмъ истинна дѣйствія была бы такъ, чтобъ она бросила взоръ на привиденіе; хотя онаго не видитъ; ибо Шакеспиръ представляетъ свои привиденія только тѣмъ какъ будто бы видимыми, на коихъ оныя обращаются. Видимо также въ явленіи Банква въ праздпествѣ Макбета: столъ окруженъ людьми, всѣхъ глаза устремлены на Макбета, но никто не видитъ привиденія, которое мысли его безпокоитъ. Примѣры сіи показываютъ, что истинное театральное дѣйствіе очень различествуетъ отъ того, что воображенію большей части Актеровъ прежде всего встрѣчается. Въ Комическомъ трудность, попасть въ истинность

дѣй-

дѣйствія, бываетъ многочисленнѣе, и можетъ быть больше нежели въ Трагическомъ: здѣсь Актеръ иногда долженъ бываетъ вдругъ играть двѣ Роли. Госпожа Фондлевизъ находится въ семъ положеніи, когда ея мужъ и любовникъ съ нею вмѣстѣ. Хитрая горничная дѣвка имѣетъ вдругъ три Роли. Она говоритъ къ господамъ Тутбону и Трестіеру, каждомуособливо, что другой съ ума сошелъ, и во все сіе время должно ей оказывать страхъ, о томъ чтобъ сіе не открылось: едва ли находится Сцена, въ которой бы труднѣе было выразить истинну дѣйствія.

Истинна дѣйствія зависитъ существенно отъ перемѣны лица, положенія тѣла и взгляда; все состоитъ въ томъ чтобъ онымъ разумно управлять. Да бы перемѣна лица произвела великое дѣйствіе, глаза должны

вдругъ выразить страсть, силу и истинну; естьли недостаетъ онымъ огня и живости, то все прочее безполезно. Театръ не дозволяетъ никакого слабаго выраженія; картины на ономъ представленныя, сдѣланы такъ чтобъ ихъ изъ дали распознать было можно, а сему оное будетъ противно. Тонкое выраженіе лица, толико дѣйствующее во обхожденіи, на театрѣ не удобно; статуя обыкновенной величины находитъ свое мѣсто внутри храма, но на кровлѣ или въ высотѣ должна оная быть колосомъ. Самый взглядъ и видъ кажутся намъ, не взирая на то хотя бы они были излишествующи, только чрезъ удаленіе въ надлежащемъ своемъ размѣрѣ; мѣру сію изобразить трудно, и отъ разума зависитъ оное опредѣлить. Актеръ, худо наблюдающій свое искуство, и очень распростра-

няющейся, впадаетъ въ ложное и излишествуетъ. Только искусное распространенiе, кое можно придать своимъ движенiямъ, не допускаетъ удаляться отъ природы и истинны. Сiе есть картина кою увеличиваютъ, но обширность не представляетъ въ ней ни чего безобразнаго. Въ огнѣ страстей лица не должно приводить въ безпорядокъ, ни безобразить; многiе въ прочемъ искусные Актеры имѣютъ сiю погрѣшность, они въ скорбяхъ дѣлаютъ Гримасы, и ужасаютъ вмѣсто того чтобъ тронуть. Лице Актерово можетъ только вдругъ страсть выразить. Есть Физiогномiи, кои отъ природы печальны, и другiя; кои повсегда бодрственны. Тѣ кои такъ сказать, только маски имѣютъ, не есть всеобщи; но они могутъ отличаться въ особахъ, коимъ сiя Физiогномiя свойственна; и тѣмъ надлежитъ

имЪ себя ограничивать: природа произвела ихЪ безЪ искуства и труда, для сего рода истинны дѣйствія.

Взгляды, равно какЪ и слова имѣютЪ свое опредѣленное знаменованіе, обои они должны быть вразумительны, и чрезЪ ихЪ одно подкрѣпленіе можно выражать всѣ страсти; истинна должна всегда водить ихЪ, и когда они сЪ словами хорошо согласуются, тогда тонкость и впечатленіе сами собой умножаются. Есть нѣкоторые взгляды, кои присоединены только кЪ особливымЪ нѣкоторымЪ страстямЪ и особливымЪ особамЪ, они суть невольныя какЪ бы хотѣлось комедіанту; но такЪ какЪ предписываетЪ имЪ здравый разумЪ. Часто употребляетЪ ихЪ АктерЪ безЪ рѣчей; видЪ оныя дополняетЪ вЪ недостаткѣ голоса говоритЪ взглядЪ кЪ сердцу. ЧѣмЪ важнѣе

нѣе особа, тѣмъ меньше являются взгляды: но въ нижнемъ Комическомъ должны они быть многочисленны и быстры. Погрѣшность нашихъ великихъ Актеровъ есть можетъ быть въ предаванiи себя излишнимъ жестамъ; но отмѣнно сильная страсть можетъ иногда странные виды учинять сносными. Въ комедiи благороднѣйшаго обстоятельства сокращаютъ первенствующiя лицы свои виды, почти оныхъ не уменьшивая, страсти во оныхъ являются не таковы сильны, какъ въ обыкновенномъ Комическомъ, естьли люди преимущественнаго состонiя столь же живо чувствуютъ, какъ и подчиненные ихъ, то ихъ воспитанiе научаетъ движенiя сего удерживать. Трагедiя еще больше недопускаетъ лишнихъ положенiй видовъ; Ирой надъ знатнымъ человѣкомъ стольно

кожъ возвышенъ, какъ сей надъ простымъ.

Кажется обвиняютъ Г. Гаррика; что онъ въ Ролѣ Петра не положилъ всего требуемаго къ тому достоинства, онъ превратилъ его въ Жафіера; отъ него только зависитъ въ обоихъ отличаться; но по вкусу многихъ людей Роль Петрова для него лучше, великая естественность, которую распространяетъ онъ въ игрѣ своей, можетъ быть побуждаетъ желать сей перемѣны; ибо излишекъ одного свойства, хотя то и рѣдко, можетъ быть погрѣшностью. Г. Гаррикъ преизряденъ въ Ролѣ Царя Леара: но иногда видаютъ Ироя подобно Монарху забывающагося, и низпускающагося къ вольному выраженію Сатирика. Въ Спасенной Венеціи говоритъ Жафіеръ къ своему другу.

„Честность добродѣтель„ныхъ людей есть то, на что

счастли-

„ счасливые злодѣи полагаются,
„ и чѣмъ они себя обогощаютъ.

Царь Леаръ вопіетъ въ своемъ неистовствѣ:

„ Смотрите, съ какою стро-
„ гостію судія подъемлется про-
„ тиву преступника. Изрядно,
„ смѣшайте ихъ вмѣстѣ, брось-
„ те жребій, и будьте увѣрены,
„ что первый который выдетъ,
„ судія ли то или разбойникъ,
„ есть избавитель.

Сатира равно сильна на обѣ стороны, и не взирая на трудность выраженія, можно гордость солдата и достоинство владѣтеля соединить; гордый голосъ можетъ живъ быть, но не опредѣлителенъ. Должно признаться что въ обѣихъ сихъ Роляхъ находятся мѣста, кои Актера обманываютъ, и могутъ сдѣлать, что зрительную точку благороднаго въ Характерѣ утратитъ; но въ Роляхъ Катона и Баязета онъ тѣмъ не ошибется.

Мы видили г. Квина въ Ролѣ Комуса возвышающагося надъ человѣчествомъ; великая его старость и всѣ недостатки отъ оной исчезли въ достоинствѣ его игры. Ни одинъ Актеръ послѣ него неосмѣлился взять сію Роль.

„Ужѐ на небесахъ взошла „та планета, коя понуждаетъ „пастуха загонять стадà свои.

Сіи слова не содержатъ въ себѣ ничего чрезвычайнаго; но подражательный звонъ, разпространенное выраженіе, кои онъ въ нихъ положилъ, учинили тѣмноту и глубокую тишину ночи присудственною. Когда онъ потомъ изобразилъ свистъ вихрей, и морскихъ чудовищъ качающихся на волнахъ; то придалъ онъ таковую важность движенію моря, что ужаснувшіеся зрители чаяли сами быть на зыбкой стихіи. Восклицаніе его превзошло еще и первыя начертанія;

танія; сіе не было подобострастіе, ни подверженность смертнаго въ присудствіи божества; видѣли только высочайшее существо обращающееся къ своему равному; возчувствовали со удивленіемъ, что боги столькожъ возвышены надъ Ироями, какъ сіи надъ простыми человѣками; онъ казался не имѣющимъ въ видѣ своемъ кромѣ величественнаго и умодвижительнаго рѣчей. Но между тѣмъ сіи правила всеобщи, не можно оныхъ здѣсь принять безъ различія; въ самыхъ трагедіяхъ есть обстоятельства, при коихъ видъ не можетъ имѣть много стремительнаго. Должно также учреждать себя по вкусу и разнымъ обыкновеніямъ страны, во франціи можетъ Актеръ употреблять сего рода дѣйствія больше, нежели въ важной Англіи, и въ Ангіи больше нежели

вѣ нѣжной Италіи (*). Разные особливые Характеры позволяютѣ еще больше вольности, какѣ на примѣрѣ воображаемыя существа, каковыя не могутѣ быть вѣ природѣ; обманутый Докторѣ столькожѣ не естественѣ вѣ бытіи, какѣ Единорогѣ и Сирена. Отличность сего рода сочиненій состоитѣ лишѣ вѣ распространеніи за предѣлы, и чѣмѣ больше сочинитель и Актерѣ тутѣ кажутся удаляющимися отѣ натуры, тѣмѣ достовѣрнѣе ихѣ удачливость.

О

(*) Я несчитаю совсѣмѣ правильнымѣ сіе примѣчаніе. Италіянцы еще живѣе Англичанѣ, и меньше Философы, и суть можетѣ величайшіе охотники до жестовѣ, предѣ всѣми прочими Театрами вѣ Европѣ. Но ежели сочинитель говоритѣ сіе вѣ разсужденіи степени силы, Характеризирующей его отечество, то я сѣ мнѣніемѣ его согласенѣ.

О естественной игрѣ.

Всякъ кричитъ: должно играть естественно, и ни кто не даетъ слову сему объясненія; естьли разумѣютъ чрезъ то, чтобъ подражать природѣ; безсумнѣнія сіе есть лучшее и высочайшее искуство; но многіе люди основаніе сіе полагаютъ по своему вкусу. Нѣкоторые Комическіе Актеры пріемлютъ за удобность дѣйствительную безпечность, другіе воображаютъ себѣ, что съ игранія естественно Трагическаго, должно придать Ирою своему простой видъ и выраженіе: сіе значитъ, имѣть недостатокъ въ разсудкѣ, своего Ироя унизить до самаго себя, вмѣсто того чтобъ себя до него возвышать. По мнѣнію многихъ то разумѣется играть естественно, чтобъ освободить себя отъ оковъ искуства; между тѣмъ принимаемое естественнымъ въ

семъ

семѣ смыслѣ, ни когда не составитѣ Хорошаго Комедіанта. Принимать вѣ точности видѣ и ухватки, по различнымѣ лицамѣ кои представляешѣ, давать чувствованія особеннымѣ звукамѣ голоса, приличнаго кѣ Характерамѣ, все не можетѣ быть инако, какѣ отголосокѣ совершеннѣйшаго искуства. Когда Г. Массопѣ вѣ Ролѣ Петра, когда онѣ разсуждая о повелѣніи опредѣленномѣ своимѣ другомѣ, говоритѣ:

„ Свирѣпая рука Принлія подписала сіе, то зритель самѣ чувствуетѣ то негодованіе, которое Актерѣ сокрыть ищетѣ, вѣ то мгновеніе ока, когда жена несчастнаго Жафіера вѣ последніе взглянула на своего супруга; Г. Массопѣ трогаетѣ тѣмѣ больше, чѣмѣ явственнѣе примѣчается принужденіе его, чтобѣ сокрыть скорбь свою. Есть ли сочинитель явилѣ великое иску-

искуство въ семъ творенiи, то Актеръ не меньше оказываетъ онаго въ игрѣ, и чѣмъ естественнѣе, и безъ искуства выраженiя его быть кажутся, тѣмъ больше знанiя оныя ему стоили. Г. Гаррикъ въ сей Ролѣ имѣетъ многовато огня, а г. Квинъ слишкомъ важности; они безсумнѣнiя играютъ естественно, по роду ихъ чувствованiя. А Г. Массопъ забываетъ свои собстенныя чувствованiя, чтобъ занять Петровы, и сiе то называется, играть естественно.

О естественности въ рѣчахъ.

Когда Актеръ говоритъ не согласно съ естественностію, то тщетно соединяетъ онъ истинность вида и лица, съ воспріятымъ Характеромъ. Бывали глупыя уловки ложнаго выраженія рѣчей господствующими и въ самыхъ трагедіяхъ; пышныя рѣчи, принужденный видъ, и все отъ естественности удаленное. Напослѣдокъ ко оной приближились, и естьли виды сія толь трудная оныя часть, не достигла еще степени совершенства, кое желательно; по крайности не осталось ни каковаго напѣва изъ старыхъ трагедіи. Честь сей перемѣны надлежитъ Г. Маклину. Онъ изгналъ изъ Трагическаго пѣніе и Каденцію, онъ хотѣлъ, чтобъ ученики его говорили просто какъ обыкновенно должны бы они были говорить, естьлибъ на-

нашли себя въ равныхъ обстоятельствахъ: онъ требовалъ для театра нѣсколько побольше крѣпости въ выраженіи, со удержаніемъ тогожъ звона, онъ не забылъ и о малѣйшихъ погрѣшностяхъ въ Просодіи и выговорѣ; словомъ онъ приводилъ Актеровъ въ правильную естественность; нашли въ семъ правилѣ столько вкуса, что комедіанты большихъ театровъ оный у себя ввели, гдѣ оный съ того времяни получилъ одобреніе отъ всей страны.

Искуство и самую опредѣлительную силу употребляютъ, чтобъ управлять красотою голоса, и непріятнѣйшіи голосъ можетъ нравиться, естьли только можетъ оный возвышаться; Кремонская скрыпка ни чего незначитъ въ рукахъ ученика, а искусный музыкантъ можетъ согласные звоны производить изъ худѣйшаго инструмента.

въ старину рѣчи были положены на ноту, но намъ неизвѣстно, какое они изъ того дѣлали употребленіе. Господинъ Игуменъ Кондильякъ думаетъ, естьли голосъ Актера будетъ управляемъ музыкально, то получитъ тѣмъ хорошее дѣйствіе. между тѣмъ мы слышимъ въ нашихъ Ораторіяхъ слова, которыя могли бы пронзить сердце естьлибъ произнесъ оныя господинъ Квинъ, но они утомляютъ наши уши, хотя ихъ и величайшіе музыканты распѣваютъ. Игуменъ Дюбо утверждаетъ, что Греческія ноты не были Армоничны, но только замѣчали Каденцію и впечатленіе стиховъ. Посредственный Актеръ, игравшій Едиппа Софоклово, имѣлъ нужду чтобъ ему замѣчали мѣста, требующія побольше голоса; но сіе преизрядное сочиненіе, положенное на музыку, какъ я думаю про-

производило особливое чувствованіе. Ноты не освобождаютъ отъ предлагаемаго намѣренія; ибо когда каждый человѣкъ имѣетъ свой собственный голосъ, который его столькожъ какъ и лицо отъ другихъ отличаетъ; то сей голосъ только къ своимъ собственнымъ перемѣнамъ удобенъ. Искуству, правильно выразить чувствованіе, научаются не по знакамъ, онаго нельзя выучить по нотамъ, часто и чрезъ самое подражаніе человѣческому голосу сего недостигаетъ. Когда вещь сію утверждать возможною, каковаго приращенія искуства можно отъ того надѣяться? звоны, кои Г. Гаррикъ, или Г. Циббера только хорошо производятъ, для другихъ таковы удобны, какъ чужое платье.

Чтобъ на театрѣ привлекать зрителей, въ какомъ бы то родѣ ни было, прежде всего

го надлежитъ стараться отвратить въ своемъ голосѣ дрожащей звукъ; который то возвышается, то унижается, и упадаетъ въ нескладицу. Раздробленiе еще и того важнѣе. Актеру, имѣющему чистой величественный выговоръ, подкрѣпляемый разсужденiемъ, рѣдко случится чтобъ онъ не понравился. Мѣра стиховъ есть отяготительное препятствiе, которое превозмочь должно, чтобъ достичь къ естественному разговору: комедiи наши по большей части свобождены отъ сего принужденiя, ибо Характеры во оной представляемые, обыкновенно занимаются изъ общей жизни; и такъ безпѣчный Актеръ, удаляющейся отъ естественности въ рѣчахъ, не заслуживаетъ извиненiя.

О Емфатической напыщкѣ въ разговорахъ.

Долго думали, что величество Трагическаго, требуетъ великолѣпнаго и усильнаго выраженія въ рѣчахъ; но въ наши дни усмотрѣли, что къ самому возвышенному почасту надлежитъ простота разговоровъ; то есть то, что различаетъ комедіанта отъ Оратора. Правила Росція и Цицерона были тѣжъ самыя; но послѣдній употреблялъ оныя по ихъ приличности. Не очень натуральный звонъ голоса, употреблявшейся у древнихъ, не всеобще былъ принятъ въ слогъ Ораторовъ. Похвальная рѣчь Исократова можетъ быть была украшена всѣми ложными уборами выраженія; фигуры Демосѳеновы желали простѣйшаго выговора; онъ не имѣлъ столь звонкаго голоса, каковымъ противники

его такъ славились; не взирая на сіе неудобство, приводилъ онъ души Грековъ въ движеніе, онъ владѣлъ ихъ страстями, изгналъ Есхина, и повергъ Филиппа въ трепетъ.

Въ сочиненіяхъ Рова и Отвая кажутся различныя мѣста терпящими Емѳатическій выговоръ старинныхъ Ораторовъ; оба сіи сочинители позволили себѣ огромныя лицы и изобильныя описанія. Шакеспиръ увеселяетъ насъ огненностію и восторгами Демосѳеновыми; его сочиненія должны быть выговариваемы, такъ какъ произносилъ свои рѣчи сей великій Ораторъ, съ силою и правдоподобіемъ. Утверждаютъ что Шакеспиръ не былъ хорошимъ Актеромъ; но между тѣмъ должно предпоставить, что образъ выговора его былъ по Демосѳенову, и что его вѣкъ можетъ быть укорялъ его за то совершен-

шен-

шенство, кое заслуживало похвалу. безпрестанно кричать, разумѣется удалять себя отъ природы; многіе Актеры впадаютъ въ погрѣшность сію въ Трагическомъ, тѣмъ что они не искусно думаютъ, что сила выраженія должна состоять въ шумѣ; естьли безъ мѣры предаваться своему жару, потеряешъ намѣреніе, и громомъ уничтожишъ все согласіе.

Единогласіе есть другое несовершенство, произходящее отъ недостатка разсужденія и чувствительности; оно повсегда употребляетъ тѣжъ самые звоны, утомляетъ ухо, и досаждаетъ духу. Есть еще и особливый родъ Монотоніи или единогласія, коему и лучшіе наши Актеры очень часто подвергаются, то есть состоящій въ самомъ маломъ различіи, съ коимъ представляютъ они разныя лицы: хотя бы слышали

мы говорящихъ Жафіера, Леара, Отелла или Шамонта, то перемѣна въ голосѣ у нихъ всегда одинакая, хотя и приличная въ ихъ родѣ: но играть симъ образомъ не есть естественно; однако комедіантъ, получившій себѣ рукоплесканія за счастливые напѣвы, употребляетъ оныя безъ различія въ двадцати разныхъ Роляхъ. Дожно признаться, что сочинитель повсегда окончивающій мысль свою въ рифмѣ, принуждаетъ Актера, выражаться единогласіемъ. Милтонъ въ своихъ безрифмныхъ стихахъ почти всегда избавляется отъ сего неудобства. Странно что всѣ наши писатели, которые и въ сей вещи ему удивляются, пропустили однако ему подражать въ томъ. Голосъ въ сильной страсти недолженъ быть крѣпокъ; но коль скоро доходитъ до употребленія нѣкоторыхъ правилъ, то въ слу-

случаѣ учиняемаго при томъ разноголосія звуковъ, теряется добрый вкусъ: умѣющій хорошо выражать гнѣвъ, будетъ казаться отчасу гнѣвнѣе, и представитъ намъ наконецъ, вмѣсто воспаленнаго гнѣвомъ Ироя, только безумнаго.

О памяти и Костумѣ.

Впечатлѣть Ролю въ память свою, на театрѣ есть та Механика, которая меньше имѣетъ трудностей, и которое очень важно Когда Актеръ хотя на мгновеніе ока покажется запнувшимся, Иллузія исчезаетъ, и негодованіе заступаетъ мѣсто удовольствія. Италіанскіе Актеры имѣющіе обыкновеніе играть изъ головы, часто дополняютъ своими мыслями мѣста въ своихъ Роляхъ. Вольности сіи терпѣли въ послѣднемъ вѣкѣ, Норри былъ за сію способность въ славѣ, но нынѣ въ Англіи уже сего не позволяютъ. Одинъ только сочинитель долженъ опредѣлять то, что говорить надлежитъ, а комедіантова должность состоитъ только въ изобрѣтеніи образа выраженія. Чтобъ быть въ состояніи, позабыть самого себя, надлежитъ

Роль

Роль свою совершенно вытвердить. Въ прочемъ онъ не будетъ уже Ирой, а только безпокоющейся, изумленный дровосѣкъ, ищущій въ памяти прерывающихся словъ. Величайшіе Актеры, почти всегда не владѣютъ своимъ дарованіемъ въ новыхъ Роляхъ, и отъ робости тогда въ нихъ бываемой не могутъ изобразить полную истинность представляемаго Характера; но сей страхъ происходитъ отъ того только, что не твердо помнятъ свою Роль. Отличнѣйшій Актеръ, одаренный хорошею памятью, долженъ знать и то, что ему будутъ отвѣчать; ибо естьли онъ сочтетъ для себя довольнымъ то, что изъ отвѣта другаго узнаетъ то мгновеніе, когда ему опять начать говорить, то въ какомъ долженъ онъ быть замѣшательствѣ, естьли рѣчь другаго, будетъ длинновата.

Въ разсужденіи Костумы не требуется, чтобъ декорація представленія перемѣнялась такъ какъ въ Англинскихъ Пантоминахъ, или Французскихъ операхъ; Актеръ долженъ главнѣйшее примѣчаніе наше къ себѣ привлекать, оное не долженствуетъ быть разсыпаемо, чудными предмѣтами, какъ на примѣръ превращеніями храмовъ въ утесы горъ, пустынь въ сады; однакожъ красавица не должна имѣть свой уборный столъ на улицѣ. Перемѣны безсумнѣнія должны соображаться обстоятельству, ибо хотя представленіе оныхъ и не требуетъ, но для зрителей оныя не обходимы. Въ Трагедіи Федры и Ипполита единство мѣста довольно наблюдено, все дѣйствіе происходитъ во входѣ во дворецъ, и Декорція остается одна чрезъ всѣ пять Актовъ. Г. Гаррикъ, согласный въ семъ съ сочи-

сочинителемъ, требуетъ наблюденія сей Костумы; онъ имѣетъ основаніе, но публика тѣмъ недовольна.

Одѣяніе приличное къ Характеру, есть очень важный пунктъ; и такъ весьма потребно, чтобъ было въ семъ наблюдаемо совершенное правдоподобіе; но большая часть Актрисъ по семъ не брежетъ, и появляется въ несносномъ великолѣпіи. По всему приличію представляемой особы одѣянный Актеръ, долженъ еще не забывать и о разныхъ обстоятельствахъ въ каковыхъ находится. Орестъ замѣшавшійся въ толпѣ народа при возмущеніи произшедшемъ по смерти Пирра, и выступающій на театръ безъ того чтобъ одѣжды его и волосы пришли хоть въ малый безпорядокъ, нарушаетъ всякое правдоподобіе. господинъ Гаррикъ въ сценѣ Макбета появился съ растегну-

гнутымЪ кавтаномЪ ; нѣкто противурѣчилЪ ему вЪ томЪ, но я думаю, что ему и впредЪ такЪ же поступать надлежитЪ. я вхожду еще далѣе вЪ правила правдоподобія Костумы и лицЪ, фигура Актера, какова бы оная хороша ни была, не должна однако ни малѣйшимЪ случаемЪ ослаблять Иллузію. Нельзя лучше сЪиграть Ианну Сору, какЪ играетЪ оную Г. Притхарда; но жирная женщина никогда неувѣритЪ насЪ, что она умираетЪ сЪ голода.

О ухпаткахъ и приличностяхъ.

Не довольно сего, чтобъ знать совершенно свою Роль, но чтобъ съ разсужденіемъ оную проговорить, управлять видами и положеніями по представляемому Характеру; въ театральныхъ Піесахъ, равно какъ и во всѣхъ трудахъ разума, сочинитель не развертываетъ совсѣмъ своихъ мыслей, или не даетъ имъ надлежащихъ подробностей; искусный Актеръ долженъ дополнять сей недостатокъ, не тѣмъ чтобъ прибавлять что нибудь къ Ролѣ, но краснорѣчіемъ видовъ и взоровъ. Естьли сочинитель распространителенъ, то вмѣшиваетъ онъ и нѣкоторые роды ухватокъ, чтобъ одни стихи легко пробегать, другіе выговаривать быстро, и одни только привлекательныя мѣста подкрѣплять, и такъ сказать,

зать, чрезъ искусно раздробляемый огонь холодныя и слабыя мѣста опять оживлять. Въ случаѣ когда стихъ кажется тупъ, должно произносить оный протяжно, и вразумительнымъ выраженіемъ, и чтобъ великаго искуства изображать движеніе души, толь нужны промежки времяни привесть въ дѣйствіе. Между родами ухватокъ, есть одни только для трагедіи, а другія для комедіи, и еще нѣкоторыя кои въ обоихъ родахъ равныя услуги оказывать могутъ.

Многіе Актеры воображаютъ, что придаютъ они больше важности и крѣпости рѣчамъ, естьли возвышаютъ голосъ, но нискій голосъ естьли будетъ подкрѣпляемъ, почти всегда имѣетъ достоинства больше. Г. Гаррикъ употребляетъ сіе средство не безъ счастливаго послѣдства. Истинный Ирой долженъ завсе-

гда владѣть самъ собою, и только чрезвычайное обстоятельство можетъ его удалить отъ самого себя. Великія расположенія получаютъ новое сіяніе, когда выражающій, говоритъ о семъ безъ гордости и надмѣнія. Дѣлать много шуму въ приближающейся опасности, подаетъ поводъ подумать, что не хорошо къ оной приготовился: сіе на театрѣ не будетъ недостатокъ силы опредѣлительной, но тонкости. — Мой пріятель, сказалъ одинъ Генералъ нѣкоторому Офицеру, въ то мгновеніе ока когда все казалось въ отчаяніи; вы очень спокойны, развѣ не видите, что на насъ идетъ непріятель? Развѣ вы ни когда не бывали въ опасностяхъ сраженія? — Извините меня, Ваше Превосходительство, отвѣчалъ Офицеръ, я такъ часто во оныхъ бывалъ, что на сіе могу смотрѣть хладокровно.

но. — Актеръ удобно чувствуетъ, которому изъ сихъ онъ подражать долженъ. Одинъ великій разумъ можетъ замѣчать тѣ мгновенія гдѣ надлежитъ употреблять приличныя ухватки. Древніе Ирои требуютъ больше величества нежели прочіе, мы изъ дѣтства пріучены онымъ удивляться, и имѣемъ величайшую Идею о Катонѣ и Брутѣ, нежели о Торрисмондѣ, или Алламондѣ. Тонкость главнѣйше состоитъ въ томъ, чтобъ различать довольно собственность Характеровъ, и чтобъ степень страсти, приходящій каждому въ его порокахъ или добродѣтеляхъ, привести въ надлежащее время.

Комедія разсудительному Актеру предлагаетъ обширнѣйшее поле, нежели Трагедія, чтобъ употребить всѣ тонкости искуства; множество обстоя-

стоятельствѣ влекутъ оныя съ собою естественнымъ образомъ: должно дѣйствія сихъ напередъ усматривать, и отваживать новыя ухватки. Въ свѣтѣ нерѣдко считаютъ того забавнымъ, который предается всей вольности своихъ воображеній; но на Театрѣ должно управлять оными чрезъ разумъ и искуство. Скупый, который въ важнѣйшее мгновеніе, примѣтивъ на своемъ столѣ двѣ свѣчи, останавляетъ рѣчь, *чтобъ* одну изъ нихъ загасить, придаетъ Характеру Комическую силу, за что сочинителю аплодируютъ, и что Актеру сіе изобрѣтшему честь дѣлаетъ. (*)

П Что

(*) Сія шутка безпорно преизряднѣйшая, и должно оную ограничить: но вмѣсто того стараются повторять; слуга зажигаетъ свѣчу опять, скупый опять оную гаситъ, отъ сего

Что надлежитЪ да нижняго Комическаго, то подлинники онаго всегда предЪ глазами. АктерЪ можетЪ легко подражать онымЪ; не вЪ совершенной оныхЪ подлости, это было бы ниско, чтобЪ поставлять оное себѣ вЪ заслугу, и очень гадко, чтобЪ играть оное сЪ пріятностію. Слуга высокопарнаго богача долженЪ принимать голосЪ и ухватки своего господина, какЪ видитЪ оныя вЪ его обращеніи: естьли касается сіе до *стараго придвордаго*, то слугѣ его вЪ послѣднѣйшихЪ мѣлкостяхЪ роли должно играть важную особу и политика. ГлупецЪ, подобный тѣмЪ, каковыхЪ ШакеспирЪ часть включаетЪ

сего естественность идеи исчезаетЪ, и мы лишаемся удовольствія, чрезЪ повторяемую шутку; скупый прячетЪ свѣчу слуга еще разЪ зажигаетЪ оную вЪ его корманѣ, и сіе есть уже излишество.

етъ въ своихъ сочиненіяхъ, долженъ имѣть нѣкоторую важность въ своей выступкѣ, въ самое то время когда онъ наи величайшую простоту въ себѣ изъявляетъ, въ разговорахъ же его, и когда онъ производитъ дурачества, надлежитъ ему имѣть взглядъ педанта, слишкомъ себя просвѣщеннымъ быть мнящаго. Сочинитель не всегда можетъ всѣ его черты выразить, онъ половиною славы своей обязанъ Комедіянту, который оныя дополняетъ и умѣетъ выразить.

Подражать представляемымъ на театрѣ лицамъ, есть ухватка, которая не рѣдко насъ забавляетъ; на примѣръ, когда мужъ передражнивая свою жену, повторяетъ слова ея, принимаетъ ея голосъ и видъ; но сію пристойную къ тому минуту надлежитъ избирать съ невѣроятною точностію, въ

прочемъ оное будетъ холодно и непріятно. Надлежитъ остерегаться прерывать Актеру въ игрѣ существеннаго обстоятельства. Противумысленно также лице его на счетъ другихъ поставлять. Тонкости должны происходить изъ Сужета; естьлижъ Роль оныхъ не дозволяетъ, величайшее искуство состоитъ въ томъ, чтобъ сыграть оныя просто; а особливо не должно ни на что отваживаться, что не надежно еще, чтобъ могло удовлѣтворить зрителямъ. Ибо средство, кое: употребляютъ безъ дѣйствія, не нравится по мѣрѣ обстоятельства съ каковымъ производится (*).

О

(*) Въ оперѣ Роланда, кажется господинъ Шаке играющій его Роль, весьма тихо говорящимъ, въ томъ какъ помышляетъ онъ о невѣрной Ангеликѣ; щеки его надуваются, онъ отверзаетъ

О шуткѣ театральной.

Или такъ называемой jeu de theatre.

Шутка театральная или игрушка, кою Италіанцы называютъ Lazzi, состоитъ въ нѣкоторыхъ уловкахъ дѣйствія. Нижнее комическое оными наполнено, и благороднѣйшій родъ Трагедіи сего не изключаетъ, оное не рѣдко прилагаетъ нѣчто къ расположенію, и учиняетъ

заетъ ротъ чтобъ грозить, но скорбь кажется слова его удерживающею Сія нѣмая игра труднѣе нежели думаютъ, и только для посредственныхъ Актеровъ опасна. Въ пятомъ Актѣ видно еще его движеніе, когда онъ спитъ на травѣ. Сія ухватка весьма приличная, и тонко выраженная, и вмѣсто чтобъ дѣлать сценѣ замѣшательство, придаетъ оной всю возможную справедливость.

няетЪ его страшнѣйшимЪ или забавнѣйшимЪ. СтулЪ, который г. ГаррикЪ вЪ Гамлетѣ опрокидываетЪ ногою, когда является ему тѣнь отца его, есть щасливо выдуманная jeu de theatre, которая вЪ пристойномЪ мѣстѣ, и не кажется нискою: сїе доказываетЪ что и самая Трагедїя чаще бываетЪ кЪ сему удобна, нежели сЪ начала думали.

Естьли jeu de theatre, должна произойтить между множайшими особами, *то надлежитЪ* прежде о томЪ уговориться, и испытать на пробѣ, пристойна ли оная будетЪ сЪ обстоятельствомЪ рѣчи; отЪ сего совершеннаго согласїя происходитЪ все счасливое послѣдство. Италїанцы отличаются вЪ семЪ искуствѣ, и употребляютЪ вЪ томЪ безпрестанныя различности. ВЪ одной изЪ послѣднихЪ КомическихЪ оперЪ публика была такЪ восхищена, что Актеры

ры въ угодность ея принуждены были повторить; они заслужили сугубую похвалу, еще за другую тотчасъ выдуманную jeu de theatre, которая отъ первой совсемъ различествовала. Сія очень пріятная игра, весьма забавна естьли не часто оною употреблять; впрочемъ Актеръ долженъ очень искусно размѣривать для ней Театраленое время. Въ сей вещи, въ коей Италіанцы наши учители, надлежитъ учреждаться по ихъ правиламъ, кои они себѣ предписали, чтобъ быть естественну и повсегда нову.

КОНЕЦЪ.

